

13-Й ОТДЕЛ НКВД

ПАВЕЛ
БАРЧУК

Чекист

Павел Барчук

13-й отдел НКВД. Книга 3

«Автор»

2024

Барчук П.

13-й отдел НКВД. Книга 3 / П. Барчук — «Автор»,
2024 — (Чекист)

Уход из убойного отдела на заслуженную пенсию и домик на берегу моря – вот мои планы на ближайшее будущее. Три раза «ха-ха» – сказала Судьба и закинула меня в 1941 год. Оказаться в теле родного деда, сотрудника таинственного 13-го отдела НКВД, – легко. Предотвратить роковое событие – да пожалуйста. Но на деле вышло иначе. Теперь передо мной задача похлеще, чем поимка маньяка. Пока я не сделаю то, что должен, возвращение обратно отменяется...

© Барчук П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Павел Барчук

13-й отдел НКВД. Книга 3

Глава 1

Я сидел на земле, среди достаточно редких деревьев местного, очень знакомого парка, бестолково пялясь на лежавший рядом труп. А это несомненно был труп. Тут даже профессионального освидетельствования не надо. Ошибиться сложно. Причем, не обычный, как бы странно это не звучало, случайно найденный труп. Очень сильно хочется списать на то, что отправившись гулять в ночи, ну, мало ли, уже понятно, со мной все, что угодно может приключиться, наткнулся на жертву маньяка. Увидел, ошалел, упал без сознания. Господи, какой бред... Жаль, что подобная версия сразу отпадает по причине своей абсурдности. Потому как я не барышня и от вида мертвых в обморок не падаю. Даже если допустить, что пришел бы сюда случайно.

Тряхнул головой, пытаюсь привести себя в норму. Мозг, как маленькие железные шарики, перекатился от одной стенки черепной коробки к другой, весело при этом звеня. Опять вот это уже привычное после перемещения из прошлого времени во время настоящее, состояние тупой головной боли.

Тут же волной цунами накатили воспоминания о последнем, что окружало меня пять минут назад. А в моем восприятии это было именно пять минут, не больше. Такое чувство, будто закрыл глаза и почти сразу их открыл.

Двор убогой деревни, бегущая по нему Александра, Мацкевич на пороге, Лиза, которая словила пулю, предназначавшуюся мне, и Звезда Давида, именно в тот момент решившая вернуться все назад. Черт... Лиза. От мыслей о девчонке, а точнее о том, что с ней произошло, внутри сразу заныло и засвербило. Будто голодная злая крыса стала прогрызать себе дорогу на свободу. Только прогрызать из моих кишок. Аж скрутило от боли. Честно. Просто перед глазами стояло бледное лицо Лизоньки. Красивое, но какое-то застывшее. Без малейшего выражения страдания. Просто оно было спокойное и даже равнодушное.

Умерла? Или... Может, спасли? Умом понимал, некому. Там – село, в котором не то, чтоб врача нет, даже завалящего ветеринара не найдется. Чисто физически пулю вытащить некому, как и оказать необходимую помощь. Опять же, большой вопрос, куда попала эта пуля. Было ощущение, будто в район сердца. Но это не точно. И главное, что совсем не понятно, по какой причине Звезда Давида активизировалась в тот момент? До Москвы я не добрался. Книгу не забрал. Что именно оказалось главным, самым решающим фактором? Выстрел Марты?

Я снова покрутил головой. Похоже, меня перекинуло домой, и судя по окружающей обстановке, это реально дом. Имею ввиду, включая время, события, обстоятельства. Знаю наверняка и парк, и крыши домов, виднеющиеся вдалеке. Провел тут всю сознательную жизнь. Предположительно, время мое. В измененной реальности, где остался Советский союз, насколько помню, парк отсутствовал. Там была спортивная площадка на этом месте. Но надо ещё убедиться. А то, может, лес есть, но кроме привычного леса, в остальном – какая-нибудь, не дай бог, кайзеровская империя вокруг. Тут уже не знаешь, с какой стороны ждать подвоха. Выйду на улицу, а там фашисты маршируют. Тьфу-тьфу... Типун мне на язык.

Голова гудела, а мысли категорично отказывались работать в штатном режиме. Подобное состояние всегда остаётся у меня в момент перехода из прошлого к будущему или обратно. Видимо, не приспособлен я для таких путешествий. Тяжело переносу.

Снова поднял руку, разглядывая ее содержимое, которое, честно говоря, лучше бы предпочел не видеть. Потому как не нравилось мне все это. Очень сильно не нравилось. Было ощу-

щение большой подставы. Нож оказался испачкан чем-то темным. В ночи сложно разглядеть подробнее, даже не смотря на фонари, которые от места моей дислокации находились далеко-далеко. Поднес лезвие к носу и втянул воздух носом. Пахнет кровью. Свежей. Несомненно кровь. Хреново...

И ладони в крови. Пальцы тоже. Опустил взгляд на джинсы. Отчётливо виднелись темные пятна. Похоже, одежда тоже в крови. И вряд ли она моя.

Ни черта не понимаю. Ещё эта душевная, отвлекающая боль от мысли, что девчонку убила чертова Марта. Господи, никогда не молился, но хоть бы ее спасли. Пожалуйста. Буду ходить в церковь, каждый день. Брошу пить, курить, ругаться матом. Только спаси ее. Понимаю, что это маловероятно. Но, в конце концов, есть же Наталья Никаноровна. Неужели она ничего не предпримет? Странно, конечно, следом за боженькой, вспоминать демона, однако, спроси меня сейчас кто-то, что готов отдать за Лизину жизнь, наверное, ответил бы, все. И не важно, кому.

Надо сосредоточиться и понять что происходит именно сейчас. Это прежде всего. Вот, например, зачем мне нож?

Повернул голову налево, где лежала убитая девушка. Картина та же. Виденная мной неоднократно на фотографиях с прошлых мест преступлений. Один в один. Глаз нет. Уверен, если сейчас загляну в рот, который безвольно открыт, оно и понятно, его раскромсали отвратительным образом, то языка тоже не будет.

– Аа-а-а-а-а-а!

Крик раздался с другой стороны, причем сразу же оборвался, столь же внезапно, как и начался. Я посмотрел теперь направо. Там, на расстоянии метров пяти – семи стояла женщина, лет сорока, с собакой на поводке. Ну, как собака... Пародия. То ли мопс, то ли микроскопический бульдог. Хрен разберёшь. Сейчас в моде эти маленькие скулящие существа, по недоразумению названные псами. Она, похоже, выгуливал питомца и случайно оказалась рядом с этими кустами. Вообще, конечно, немного странное место для убийства. Можно и по приличнее найти. Такое, где ни один свидетель не появится.

– Здравствуйте. Все нормально.

Я поднял обе руки, пытаясь ее успокоить. Этаким жест мира. Потом сообразил, что вряд ли успокаивает когда ночью в лесу человек, сидящий на земле рядом с убитой зверски особой, размахивает ножом, уверяя, будто все отлично.

– Блин. – Разжал пальцы, позволяя с глухим стуком оружию убийства упасть на землю.

– Да... ага... все хорошо... – заторможенно повторила женщина, а потом вдруг очень резко развернулась и бросилась бежать, оглашая окрестности истошным криком «Помогите!»

Собака летела следом за ней, надрываясь истеричным лаем. Причем, скорость хозяйки была так велика, псина не успевала своими короткими ножками, а потому реально практически неслась по воздуху за счёт натянувшегося поводка.

– Ну, все. Мандец. Сейчас тут будет весь район. – Сказал вслух, а потом пришло внезапное озарение. Просто будто в спину кто-то подтолкнул к верному направлению мыслей.

Ешкин же ты кот. Вообще-то, я нахожусь рядом с очередной жертвой маньяка. А это, несомненно, работа того самого убийцы, которого пытался найти последние месяцы. В руке, моей, на секундошку, руке – оружие убийства. Причем обе конечности – в кровище. Но главное, я при всем желании не смогу объяснить, как и зачем оказался тут в подобном виде. Потому что не существует объяснения этой ситуации. Разумного, имею ввиду. Без упоминания мистической составляющей данной истории.

В этот момент взгляд упал на запястье второй руки. Захотелось очень громко ругаться матом. Там имелись несколько царапин. Судя по внешнему виду, оставленных женщиной. Ногти. Борозды ранок однозначно выглядят, как след от женских ногтей. Да ну нахер...

В этот момент во мне, наверное, сработало, наконец, чувство, старое, как мир. То, что присутствует у каждого человека, независимо от возраста, пола и жизненного опыта. Инстинкт самосохранения. Я вдруг очень ясно понял, надо валить. Надеяться на то, что мента станут слушать и поверят сразу же – дело очень глупое. Думать обо всем лучше на приличном расстоянии от этого места и от этого трупa. Потому как, ко всему прочему, я ни черта не помню. Вернее, помню 1941. Помню деревню, Мацкевича, Лизоньку. Помню все, что происходило с бабкой-демоном. Помню внезапно нашедшегося брата Иваныча и все, что он рассказал. Помню, как вообще началась эта история. Включая поминки деда, Клетчатого, даже ту изменённую реальность, где провел пару дней. Но, хоть убей, не помню, как оказался именно здесь, в парке рядом с убитой девушкой. И это не старая жертва из первых трёх. Ни хрена. Новая.

Вернее, теоретически, мое наличие тут, а не в 1941 – работа Звезды Давида. Но какого черта я очнулся в столь сомнительном виде и в столь сомнительных условиях. Как бы то ни было, сейчас надо исчезнуть со всех радаров. Я – мент. Я знаю, что говорю. Пояснять явившимся патрульным, а они сто процентов того и гляди явятся, кто такой Иван Сергеевич Симонов, не улыбается. Документов с собой нет. Даже если это будут знакомые пацаны, то первое, что придет в голову, Симонов чокнулся и пошел убивать. Ну, потому что я бы так и подумал на месте любого ППСника. По крайней мере, раньше, этак на пару своих мистических командировок назад, именно версия о причастности человека с ножом в руке к убийству, несомненно первой пришла бы мне в голову. Кем бы этот человек не являлся. Ибо все предельно ясно для постороннего взгляда. Есть труп, есть орудие убийства, есть я, по уши в крови жертвы, а вот почему-то ни на секунду не сомневаюсь, что это именно кровь убитой девушки.

Сука, сука, сука... Да как вообще вся творящаяся в последнее время вокруг меня хрень из обычной задницы превратилась в особо глубокую задницу.

Я вскочил на ноги. Крик случайной свидетельницы эхом доносился со стороны домов. Там сто процентов уже нашлись ещё люди. У нас же народ до жути любит все такое. Стоят, наверное, камеры на телефонах настраивают и посты строчат. Ночь на улице, но теплая, летняя. Народу гуляет до хрена. Скорее всего, вызвали ментов. Очень хочется выйти из парка к истерящей владелице мопса и сказать с серьезным лицом: «Вызывали полицию? Мы уже здесь».

Но ни хрена, конечно, не смешно. Если это действительно моя реальность, то через кусты можно выскочить к новостройкам, потом начинается старый квартал.

Больше не сомневаясь ни в чем, ибо сомневаться уже опасно для собственного благополучия, рванул в ту сторону, где имелся шанс скрыться от несущихся на меня тараном проблем. Быстро нагнулся, подхватил с земли нож, а потом начал действовать.

Кусты практически перескочил одним заходом. Кенгуру в Австралии нервно вздрогнули от конкурента. Несся, будто заправский африканский козел во времена засухи к водопою. Судя по реакции тела, оно – мое, родное. Ощущаю, как перекачиваются мышцы, как напряжён пресс. Все на месте. Физическая форма такая же, какая имелаась на момент моей первой встречи с Клетчатым.

Расчет, к счастью, оказался верным. Все нормально с окружающей действительностью. Новостройки те, что и должны быть. Потом – старый район. Метнулся в глубину пятиэтажек, где максимально мало света. Теперь должны быть гаражи. Там можно сесть и подумать.

Едва оказался среди железных коробок, в которые местные мужики ставили своих лихих коней, нашел взглядом самый темный угол, там ещё имелись сваленные деревья, направился к ним и в изнеможении плюхнулся на стволы берёзок. Знал, что они тут. Буквально несколько дней назад сосед, перед годовщиной деда, который имел гараж уже много лет, рассказывал, как они с мужиками обрубали все деревья вокруг. Чуть сильный ветер, так ветки ломаются и летят. Выходит, точно вернулся домой. Совпадений таких не может быть.

Посмотрел на нож в своей руке. Куда его теперь? Оставлять орудие убийства нельзя было. Оно целиком и полностью обляпано моими пальчиками. Это практически то же самое, что

явиться в родной уголовный розыск с заявлением, товарищи, я малясь сошел с ума, начал убивать. А вдруг... правда. Вдруг на самом деле сошел с ума? На фоне всего, что произошло. Вдруг с момента, как меня вернула Звезда Давида, прошло гораздо больше времени, а я просто сам превратился в маньяка. Потому что предыдущие жертвы не могли быть убиты мной. Точно. В то время... А что в то время? Каждое убийство происходило, когда был дома. Один. Может, и не случилось никакого перемещения во времени? Может, не был я ни в каком 1941? И маньяк с самого начала это – Иван Сергеевич Симонов собственной персоной? Просто не помнил своих действий. А теперь настало прозрение?

Положил нож рядом и полез в карман. Пусто. В другой карман. Только ключи от квартиры. Звёзды нет. И креста нет.

Я закрыл лицо ладонями, а потом вдруг начал смеяться. Seriously. Просто хохотать. Ну, весело же. А что? Жил такой мент, жил, потом у него потекла крыша и он начал убивать людей. Но в его воспаленном мозгу нарисовалась история, в которой он перемещался во времени, встретил существо из ада, даже два, увлекся девчонкой, которую из-за него же и убили. Ну, такое оправдание для самого себя. Больное сознание сочинило, чтоб усыпить бдительность своего хозяина.

Но в этот момент вдруг, как наяву, увидел Лизу. Она словно оказалась рядом. Настоящая. Даже запах ее почувствовал. Вспомнилась та ночь, которую мы провели в Москве, перед тем как уйти к немцам. Ее горячее дыхание, стоны. Вспомнилось, как она лежала в моих руках во дворе дома, на окраине маленького села, и как я прижимал ее к себе. Нет. Не могло это привидеться. Точно было. Знаю. Лиза точно была.

Сиди, не сиди, надо что-то делать. Однозначно меня хотели подставить. Единственное объяснение. Вопрос лишь один. Явно вернулся я не в тот момент, когда очнулся среди деревьев. Потому что, звёзды нет. А она должна быть. Про крест ничего не говорю, бог с ним. Святая вещь. Кто там разберётся, как она работает. Когда переместился в изменённую реальность Советского союза, проводник был при мне. Соответственно, выходит, между тем, как чертова штука закинула меня обратно, в свое тело, и убийством прошло сколько-то времени. День, два, неделя. Не знаю. Когда началась история с Клетчатым и поминками деда, тоже было лето.

Первым делом, мне нужно попасть домой. И сделать это необходимо именно сейчас. Потом уже не смогу.

Тетка, увидевшая меня на месте преступления, незнакома. Не встречал ее никогда. Пока расскажет, пока менты составят фоторобот. Пока вычислят, кто именно там находился, пройдет не меньше нескольких часов.

Я снова встал на ноги, прихватив нож, а потом направился в сторону дома, но обходными путями. Задача номер один, избежать любых встреч.

К счастью, в данном случае мне подфартило. Обошел парк стороной, и мелкими перебежками попал к своему подъезду. В квартиру поднялся по лестнице, перешагивая несколько ступенек сразу. Тихо открыл замок и скользнул внутрь.

По квартире носился, как ураган. Помыл руки, умылся, почистил зубы, сам не знаю при чем тут зубы. Психологическая, наверное хрень. Потом переоделся. Вещи свернул и сунул в мусорный мешок. Их возьму с собой. Надо уничтожить. Лучше всего – сжечь. Нашел банковские карточки. Деньги правильно будет снять сейчас. Где-то в ближайшем банкомате. По камерам найдут конечно, где обналичился, но если сделаю это рядом с домом, будет непонятно, куда направился потом. Светиться в других районах нельзя. Несколько раз облазил все углы в поисках чертовой Звезды Давида. Не было ее и все тут. Куда мог засунуть? Не понятно. Телефон разбил, предварительно сломав симку. Остатки мобильного сунул в пакет с вещами.

Уже выходя из квартиры, вспомнил об очень важном. Метнулся к шкафу, достал коробку с медалями деда. Фотография была на месте. Взял ее и сунул в кошелек. Благо, небольшая, вполне поместилась. Не знаю, зачем и почему, но она сейчас была мне просто необходима. Это

словно его поддержка в тяжёлый момент. А момент, прямо скажем, мандец, какой тяжёлый. Теперь все. Что мог, сделал. Дальше остаётся надеяться на удачу и собственные силы, включая мозг. Нет безвыходных ситуаций. А уж в этой я обязан разобраться.

Не оглядываясь, вышел из квартиры.

Глава 2

Вопрос на миллион: Куда пойти, если пойти некуда? А это, к сожалению, правда. Утром у ментов будет полностью вся информация относительно того, кто конкретно был рядом с убитой. Подозреваю, вокруг трупа и скорее всего на нем – куча моих отпечатков. Ровно, как под ногтями – кусочки моей кожи. Уверен, царапины у меня на руке тоже неспроста. Они свежие. Свидетельница, увидевшая всю эту чудную картину, я и мертвая дама, поможет с фотороботом. Было относительно темно, но все же.

Мои друзья, товарищи, знакомые в большинстве своем – менты. Либо имеют общие связи в данной сфере. То есть, явиться к кому – то из них могу, конечно, но наша встреча будет крайне недолгой. Думаю, даже сдадут, куда надо, сами. С порога оправдываться, мол, я вообще ни при чем, понятия не имею, кто ее убил, тоже такое себе вариант.

Вот и выходит, идти мне некуда. Гостиницы исключаются. Съёмные квартиры, которые посуточно, если рассмотреть... Но опять же, приличные варианты, там попросят документы. Также не сильно много времени потребуется, чтоб найти Симонова Ивана Сергеевича.

Могу покинуть город пешком, автостопом. Но вопрос аналогичный: куда двигаться? Да и зачем? Мне нужно разобраться со всем на месте. Пока не знаю, как именно, но нужно. Вообще не планировал бегать оставшую жизнь по просторам родины. Да и... черт. Я должен узнать, что произошло не только здесь, но в 1941 тоже. Какого дьявола меня вышвырнули в тот момент, когда книга ещё не была возвращена?

Какая из задач, убийца или прошлое, важнее, сложно определить. Маньяка найти необходимо, это факт. Но ещё больше мне не нравится, что столь внезапно все изменилось с книгой. Бабка-демон конкретно говорила, ее нужно забрать. А тут вдруг, война окончена, всем спасибо, до свидания Ваня. Связано с Алексеем? Или что? Какая же дебильная у них манера. Сами что-то там решили, не посоветовались, не сообщили и все, давай, арестовывай.

Вопрос в том, как осуществить все это? Даже маньяка проще найти здесь, чем самостоятельно попасть туда, в 1941. Тем более чертова Звезда Давида пропала. Но! Как помнится, а помнится очень хорошо, после моего возвращения в изменённую советскую реальность, бабка-демон там имелась. Правда, может дело как раз в том, что реальность была изменённой. Но здесь, сейчас так-то тоже какой-то debil продолжает убивать женщин. И цель его, несомненно, ритуал по вызову потусторонних сил. Выходит, как ни крути, сначала нужно найти след маньяка. От него уже можно двигаться в заданном направлении, потому что звучит это странно, но цели у нас с убийцей, похоже, аналогичные – встретиться с демоном.

Учитывая, что очнулся рядом с очередной жертвой, получается присутствует во всем ещё одна интересная история, помимо предыдущих. Я не знаю личность маньяка. Сколько ни пытался разыскать, обнаружить, вычислить, один хрен топтался на месте. Ни следов, ни улик. Но сто процентов, он знает мою личность. Потому как случайным совпадением все произошедшее этой ночью быть не может. Третье лицо не имело бы информации о готовящемся убийстве. Даже, если маньяк действует с чьей-то помощью, в любом случае, инициатива подставить меня могла происходить только от него. Значит, он знает, кто я такой. Причем, не просто в отношении убийств. Не просто то, что Симонов – это мент, расследующий дело. Он знает, как минимум, о моей связи с потусторонними существами. Потому что в любом другом случае я не оказался бы по уши в этом дерьме. Короче, с какой стороны не глянь, а все упирается в того, кто готовит сейчас ритуал именно здесь, в данное время, в данном месте.

Обдумывал всю ситуацию, сидя в ночной забегаловке на окраине города. Это было какое-то заведение, средний вариант между кафе и разливухой.

Несколько столов с клеенчатым покрытием, старые стулья с деревянными спинками и шикарное меню, в котором верхом кулинарного искусства были «чебуреки домашние».

Их, собственно говоря, и заказал. Ещё двести грамм водки, соленья. Мне жизненно необходимо было выпить. Прямо вот жизненно необходимо. Всё-таки, стресс имелся приличный. Но более всего беспокоил момент, что я не помню ни черта. Факт того, что между перемещением и убийством прошло какое-то время, несомненно имеется. То есть меня вернули раньше, чем я очнулся в лесу. Так что, твою мать, происходило между этими двумя событиями?

– Приятного аппетита. – Официантка поставила передо мной тарелку с двумя чебуреками, мисочку, в которой плавали в рассоле огурцы и помидоры, а также графинчик водки с рюмкой.

Я поблагодарил, не отрывая взгляда от столешницы. Думал о своем.

– Симонов, ты?

В голосе девушки сквозило сомнение. Я поднял голову и уставился на стоявшую рядом официантку. Лет двадцать восемь, может, тридцать. Этаким типаж комнатной собачки. Аккуратное, кукольное лицо, невысокий рост, миниатюрная фигурка, даже волосы собраны в два хвоста, вызывая ассоциации с кокер-спаниелем. Не сказать, что красавица, но и ничего отталкивающего. Просто типаж не мой. Но вот она глядела на меня с какой-то тайной надеждой в глазах, хлопая длинными нарощенными ресницами.

– Ты Симонов? – Повторила девушка.

– Ну, смотря что ты имеешь ввиду. Теоретически, да. Симонов. Не знаю, тот ли, который нужен тебе. – С интересом разглядывал светловолосую болонку. Вот. Понял, кого конкретно она напоминает. Болонка. Курносая, симпатичная, декоративная собачка. Но только, хоть убей, не было момента узнавания с моей стороны. Такое чувство, будто вижу ее впервые.

– Иван. Ты Симонов Иван? – Девушка улыбнулась, отчего на щеках у нее появились хорошенькие ямочки.

– Так. Два из трёх. Имя и фамилия – в яблочко. Остаётся ещё отчество, но, подозреваю, там тоже выйдет совпадение.

– Ну, ты чего? – Она поставила поднос, который до этого держала в руках, на стол, слегка сдвинув принесенную еду, если это можно так называть, а потом уселась на свободный стул.

Учитывая, что на улице дело шло уже к рассвету, а заведение, хоть и было круглосуточным, судя по отсутствию посетителей, особо спросом среди местных не пользовалось, не нашлось возражающих против ее желания поболтать с гостем забегаловки. Человек за стойкой, которая, наверное, была здесь типа бара, глянул в нашу сторону равнодушным взглядом и замечания девушке делать не стал.

– Лариса я. Артёмов. Мой старший брат учился с тобой в одном классе. Никита Артёмов. Не помнишь?

– Никита... Никитос. Помню. Как же! – Действительно, в голове всплыл образ светловолосого парня с такими же мелкими чертами лица, как у этой симпатичной болонки. Такой и правда имелся. Мы даже кружились в одной компании, периодически ходили на тусовки. Он сидел в классе прямо за мной, кстати.

– Ну, вот! – Девушка расплылась довольной улыбкой.

– Слушай, вот тебя не помню. Извини. Правда не помню.

– Не удивительно. Вы были уже взрослыми, практически мужчины. По крайней мере, вели себя так. – Она искренне рассмеялась. – Вечно накуриться за домом в гаражах, а потом «звёздочкой» руки мазали. Чтоб родители не поняли. Думали, это запах скрывает. А в итоге воняло и ёлками, и табаком. А я младше на три года. Конечно, не обращал внимания даже. Хотя, я-то в тебя была влюблена. Как многие девчонки в школе.

– Ой, да хватит тебе. Скажешь тоже. – Махнул рукой, мол, ерунду болонка говорит.

Если честно, помню, что одноклассники нет-нет писали всякие смешные любовные признания. Но я в то время был увлечен девочкой из параллели. Мы с ней вроде как «встречались». До смерти родителей, по крайней мере, если память меня не подводит. Девочку звали

... Марина. Да. Была она может и не первой красавицей, но одной из самых привлекательных в нашей школе.

– Серьезно. По тебе очень многие сохли. А я в первых рядах. Два последних года, которые ты учился в школе, подкидывала тебе валентинки на День всех влюбленных. В раздевалке находила твою куртку и клала их в карман. Без подписи. Мне казалось, ты обязательно поймёшь, что это от меня, осознаешь, будто сильнее, чем я, тебя никто любить не будет, а значит, разышешь, прижмешь к груди и будем мы вместе до конца жизни.

Лариса легко и весело рассмеялась. Видимо, воспоминания и правда были ей приятны. Я же ничего сказать не мог по этому поводу. Валентинки? Возможно. Было что-то такое вроде. Да. Открытки в виде сердца со стихами о любви, но без подписи. Значит, от нее. С другой стороны, получается когда мне исполнилось семнадцать и я пошел в одиннадцатый класс, ей – четырнадцать. Естественно, пусть и сестра товарища, она была для меня пустым местом.

В этот момент играют гормоны, а значит, хочется чего-то посерьёзнее прекрасной возвышенной любви. И уж на ребенка я бы точно не посмотрел.

Помнится, даже при том, что я, вроде как, встречался с Мариной, попутно имелись другие увлечения. Естественно, это были девушки постарше. Типа, встречи без обязательств. Ну, а что делать? Секс и все его прелести интересовали чрезвычайно, а в этом плане толку от дамочек, которым за двадцать толку было всяко больше.

Я отличался всегда достаточно высоким ростом, плюс физические данные очень даже приличные. По юности занимался плаванием, немного ходил на Ушу. Поэтому часто с пацанами мы ехали в центр, где в ряд имелись несколько ночных клубов. Учитывая, что было это в начале 2000х, конечно, «клуб» – слишком громкое название для провинциальных заведений, где просто можно было напиться и снять кого-то. Внутрь не заходили, но вот рядом со значным местом, караулили случайных весёлых подружек. Там, прямо напротив, имелся небольшой парк с лавочками. Вот мы занимали их и тусовались, в ожидании удачи. Кстати, работало. Было все, и взрослые девочки, и горячий, хотя, во многом бестолковый, секс.

– Ты как сам то? Сто лет тебя не видела. Чем занимаешься? Последнее, что слышала, ты после школы ушел в армию а потом уехал куда-то на север. Я тоже уезжала. В Москву. За лучшей жизнью. – Лариса грустно улыбнулась. – Как видишь, попытка была неудачной. Только с родными разругалась. Не общаемся сейчас. Никита женат, кстати. У него семья. Но как вернулась, даже не встретились ни разу.

Девушка продолжала рассказывать, а я внимательно слушал, параллельно соображая. Она не знает обо мне ничего, выходит. С родственниками в ссоре. Вернулась из Москвы не так давно. Это тоже огромный плюс. А главное, меня с ней никто никогда не свяжет.

– Ну, так что? Женат? – В ее глазах было очень заметное ожидание. Похоже, я симпатичен ей до сих пор. Черт... Мелочь, а приятно.

– Нет, – Отрицательно покачал головой. – Семьи тоже нет. А дела... Ну, так сейчас... Не очень. Кое-какие проблемы.

– Серьезные, наверное, если сидишь ночью тут. – Она обвела взглядом более, чем скромную обстановку кафешки. – Я даже работать сюда пошла от безысходности. Не было вариантов больше.

– Не то, чтоб серьезные, но приятного мало. Думаю, куда податься. Так вышло, даже остановиться на пару дней негде.

Сделал паузу, давая ей возможность осмыслить сказанное.

– Ой, да пойдем ко мне... – Она тут же смутилась. Мило очень, кстати. Сначала щёчки немного покраснели, а потом все лицо залилось краской, по самые корни волос. – Ну, в смысле, хочешь, сдам тебе комнату? У меня «двушка». Снимаю тоже.

– Тебе это не будет в напряг?

Даже не стал ломаться или строить из себя недотрогу. Конечно, для меня данный вариант подходит идеально. К нему и вел. У этой особы Симонова Ивана Сергеевича никто искать не будет. Сама она явно не ведёт светский, активный образ жизни. Под рабочим фартуком я заметил простые джинсы и футболку с немного потянутым, потертым вырезом горловины.

– Нет, конечно. Рада помочь. Тем более, так понимаю, обратиться тебе не к кому? Растерял всех знакомых? Ну, понятно, конечно. Многие, наверное, как Никита, семейные. Да и вообще. Тоже недавно вернулся? Надоело на севере? Холодно.

– Ага. – Потом вспомнил Сирийскую жару и мысленно усмехнулся. – Надоело, и не осталось тут никого. Все верно говоришь.

– У тебя же... родителей ещё тогда, давно не стало? А дедушка был. Где он?

– Ну... был. Теперь, нет.

– Поняла. Слушай, хочешь дождись меня. Покушай пока. Чебуреки, кстати, действительно вкусные. Их по особому рецепту наш повар делает. Не хочешь тут быть, тогда дам ключи, адрес... А я сменюсь скоро и тоже приду.

– Да не. Подожду. Правильно говоришь. Покушаю, наверное. Да и выпить хочется. Не то, чтоб бухаю. Не переживай. Очень редко. Сейчас момент просто такой. Народу нет все равно никого. Может, со мной посидишь?

Ларису и правда вообще никто не дергал. За стойкой ошивался все тот же парень, который оказался и барменом, и администратором в одном лице. В смене были ещё повар и охранник, но последний уже часа два спал в подсобке. Прекрасно. Чем меньше людей нас видят вместе, тем лучше.

Мы проболтали до семи часов утра. Как-то незаметно я уговорил всю принесенную водку, потом заказал ещё. Не брала, зараза. Вообще не пьянел. Такое чувство, будто организм переключился на рабочий режим. Подобное происходило, когда я оставался долгое время на позиции, ожидая цель. Срабатывал определенный механизм. Значительно сокращалась жажда, практически исчезало чувство голода. Даже в туалет не хотелось. Натурально рабочий режим. Состояние, в котором тело работает на каких-то определенных резервах. Так и сейчас. Пил, но не пьянел. А вот чебуреки ушли за моё-моё. Соленья тоже. Лариса успела рассказать о себе все в подробностях.

Как уехала в Москву в восемнадцать, сразу после школы, поддавшись на уговоры подруги, что стало большой ошибкой. Там тоже ей предложили должность официантки, но с дальнейшим развитием и карьерным ростом. В итоге ресторан оказался вовсе не столь хорош, как обещалось. Нет, посетители и правда были очень богатыми людьми, но именно поэтому считали, будто им позволено все. Тем более, заведение являлось закрытым, наподобие клуба по интересам. Соответственно, предложений сомнительного толка было много. Лариса, воспитанная немного иначе, всего этого опасалась, а потому пришлось уходить. Следующей ступенью стало заведение попроще, потом ещё попроще. По итогу вышло, денег, которые она зарабатывала, хватало только на квартиру и на скромное пропитание. Тем более, изначально жилье они сняли с той самой подружкой, а после ухода из закрытого клуба, Лариса ей стала как бы не нужна. Промаявшись в столице почти десять лет, вернулась в родной город.

Наверное, можно было бы устроиться в приличный ресторан, действительно настроиться на карьеру в данной сфере, но из рассказа, да и по поведению девушки, я сделал вывод, натура не та. Лора, она попросила называть ее так, не имеет жесткого характера, внутреннего стержня. Реально декоративная болонка. А это, как ни крути, для столицы, где на твое рабочее место всегда найдется куча желающих, которые дышат в спину, мечтая точно так же устроить жизнь в Москве, является важным моментом. Лора же наоборот была слишком мягкой, доброй, даже какой-то наивной. Это ее естественное состояние. Поэтому, в определенный момент поняла, надо ехать обратно. Там, хотя бы, пусть и прекратившие общение после ее отъезда в Москву родные, но все же, они не чужие, посторонние люди. Да, не разговаривают, не звонят, не пишут.

Мать, отец и брат упорно считали, будто она чуть ли не на панели трудится, в своей этой столице, но в случае крайней нужды, все же не оставят на улице. Да и годы идут, хочется семьи. Все девочки так устроены, наверное. Им любовь подавай, совместный быт, детей. В столице в этом направлении у Ларисы тоже не складывалось. В общем, все обозначенные факторы подтолкнули ее к возвращению. Пока что семья не особо рвется к налаживанию связей, но скорее всего, со временем все изменится.

Я заверил девушку, что непременно изменится и, конечно, все будет хорошо. Она бросала на меня в ответ многозначительные взгляды, потом смущалась и опускала глаза. Я не ошибся, весьма заметно, что симпатия с ее стороны есть. Причем, достаточно сильная. Типа первая любовь. Что-то из этого разряда.

Когда пришла на работу ее сменщица, Лариса убежала из зала, дабы переодеться. Вернулась очень быстро, и мы, наконец, вышли на улицу.

– Далеко?

– Нет. Соседний двор. – Она сразу поняла, о чем я спрашиваю.

– Отлично. Идём тогда. Поспал бы с огромным удовольствием, если честно. Да и тебе тоже надо после работы.

Девушка кивнула, соглашаясь, подхватила меня под руку и мы пошли в нужную сторону.

Глава 3

Дом Ларисы и правда оказался совсем рядом. Это просто отлично. Шататься по улицам мне сейчас крайне нежелательно. Того и гляди, розыскная ориентировка появится.

Учитывая, что было утро, и люди с раздраженными лицами активно топали на работу, вернее кто-то топал, кто-то ехал, я пониже натянул на лицо бейсболку и всю дорогу изображал активное внимание к говорящей без остановки девушке. Вообще, она сильно напоминала в этом плане протекающий на кухне кран. Даже если вода не льется сильной струей, то все равно капает без перерыва. Так и Лариса. Что-то рассказывала особо бурно, но даже, когда история подходила к концу, один черт не останавливалась, переходя попутно к следующему, более активному повествованию.

Наверное, понимаю, по какой причине до сих пор эта симпатичная болонка не замужем. Потому что с ней рядом можно сума сойти от нескончаемого потока информации. Насколько знаю нашего брата, подобная разговорчивость сначала кажется милой, потом немного утомляет, а потом просто бесит. Я знал уже не только подробности ее жизни, но и детали судьбы повара Ахмеда, который приехал из солнечного Таджикистана, охранника Анатолия, разводящегося с женой, и сменщицы Ирки, которая по заверению Лоры являлась той ещё стервой.

Но в данной ситуации мне это, конечно, было на руку. Чем больше говорит болонка, тем меньше говорю я. Потому как о себе рассказывать точно ничего не собираюсь. Ради ее же, кстати, блага в том числе.

Квартира, куда мы пришли, выглядела очень скромно. Сразу понятно, жилье съемное. В комнатах стояло по дивану, несколько стульев, шкафы для вещей, причем даже не купе. Обычные, трехстворчатые. На полу – какие-то потёртые паласы. К счастью, хоть и стареньких, но телевизора имелось всё-таки два. По одному на комнату. Постели были заправлены синтетическими пледами. Кухня порадовать обилием современной техники не могла. Скромный набор – чайник и микроволновка. Но все это было незначительным по сравнению с тем, что меня безумно порадовало наличие ноутбука и интернета. Сейчас это очень к месту. Нужна информация. В том числе, хочу посмотреть, что там мировая сеть предлагает по демонам. Книга, которую прочел в прошлом, особо толку не имела. Да, понятно про Клетчатого. Но я с ним по сути и не пересекался, кроме первой встречи. Видимо, Белиалу поручили меня проверить на благонадёжность, так сказать. Поглядеть, как буду себя вести. А ну, если бы вынул глаза и побежал по зданию Лубянки, оглашая его криками. Или с дракой требовал бы показать, где прячутся скрытые камеры и режиссер данного шоу. Или стал требовать бы аудиенции у Сталина, выражая рьяное желание сообщить о готовящейся войне. Да мало ли, что мог исполнить современный человек, оказавшийся в подобной ситуации. Вот, я так понимаю, именно поэтому за мной прислали Клетчатого. Если бы начал творить какую-то ересь, уверен, мне не дали бы просто напросто развернуться. Привычно добанули бы по голове, что бывало не раз, и вернули обратно. Почему-то уверен, так и планировалось. Тем более, раз Наталья Никаноровна неоднократно повторила, что прошлое менять нельзя. Причем, формулировка достаточно пространная. Ведь спасти Василия – это тоже изменить прошлое. Но здесь они были всеми руками «за». А вот вещь, попавшая туда, где быть не должна, сыграла очень большую, даже роковую роль. Так и не выяснил, почему в том, советском варианте будущего, дед пошел на предательство. Может, это не принципиально важно, конечно, раз сейчас, к примеру, все так, как должно быть, но чисто для самого себя интересно. Про Лизу тоже. Она ведь прожила удивительным образом очень много лет, оставаясь в одной поре двадцатилетней девчонки.

Как только вспомнил про блондиночку, в груди снова защемило. Воображение услужливо подсуло картину, которая и без того запечатлелась в моем сознании намертво. Момент, когда держал Лизу на руках.

Тут же тряхнул головой, отгоняя непрошенные мысли. Нельзя раскисать. Только не сейчас. Нужно действовать. Но перед этим, важно понять, то, что пока ещё кажется мне неизвестным.

– Я в душ. – Сообщила Лариса, глядя на меня с намеком, а потом тряхнула головой, позволяя волосам, которые больше не были собраны в два хвоста, рассыпаться по плечам.

Хорошая, конечно, девочка. Не совсем в моем вкусе, правда. Но дело даже не в этом. Честно. Просто сейчас уж точно не хочу никаких интрижек. Даже случайных. Тут все пошло через одно место, и пока не поздно, надо остановить этот поток проблем.

– Ага. Пока поковыряюсь в интернете. Не против? – Изобразил из себя дурачка, который вообще не понимает, о чем идёт речь.

Болонка не имеет столько наглости, чтоб предложить мне переспать в открытую. А намеки можно очень долго игнорировать.

Вообще, если что, мужики не шарят во всех этих взглядах, вздохах и извечном женском «догадайся сам». Серьезно. Нам это вообще не понятно. Нам надо говорить в лоб. Конкретно. Откуда я знаю, например, чего она мне подмигивает? Может, у человека нервный тик. Может привычка такая. Может, делать не хрена. А вот когда женщина выходит в нижнем белье, но ещё лучше, без него, а потом говорит, идём в постель, тогда уж очевидно, дело движется к сексу.

Слава богу, от не особо способной на решительные действия, Ларисы точно столь радикальных поступков ждать, к счастью, не приходилось.

– Интернет... – Она заметно расстроилась. – Ну, да. Конечно. Бери ноутбук в комнате. Что-то серьезное?

– Ага. Спасибо. Надо изучить некоторые сведения. Да и так. Работу погляжу.

Дождался, пока она исчезнет в ванной, метнулся в спальню, ухватил нужный мне предмет и вернулся в кухню, устроившись за столом. Попутно навёл себе чая с лимоном. От водки толку не было, только голова начала гудеть. Лично мне сладкий чай с лимоном помогает избавиться от нежелательных побочных эффектов алкоголя.

Открыл ноут, включил и первым делом вбил в поисковой системе «демоны». Начнем с общих данных. Просто сдается мне, момент понимания, чего именно хочет добиться Наталья Никаноровна, чуть ли не важнее остального. Да, слышал про «белых», «черных» и все такое. Но я многое не могу логично объяснить в ее поступках. Там, где по идее, она должна «топить» за черных, бабка-демон вдруг поступает совсем иначе.

Однако, как ни странно, не смотря на то, что век нынче современный, информации обо всем столько, что хоть одним местом ешь, а вот о демонах я бы не сказал, будто очень уж много ее имелось. По большому счету, одно и то же и очень общими словами.

Если соединить прочитанное мной в более-менее удобоваримый формат, то выходило, демоны и правда были созданы Богом, как несколько раз вскользь говорила Наталья Никаноровна. Произошло это «потрясающее» событие в сумерки перед первой субботой. То-то по пятницам народ тянет набухаться до зелёных чертей. Вот оно чё, получается. День рождение демонов у нас в этот день. Я мысленно хмыкнул над своим же комментарием, а потом снова сосредоточился на чтении статей.

Так. Прежде, чем он, то бишь, бог, успел доделать их, то бишь, демонов, наступила ночь, и потому демонам не досталось тел. Ага. Это, значит, объясняет, почему они предпочитают являться в образе дымчатой дряни, как опять же рассказывала бабуля. И почему им требуются конкретные тела для существования среди людей.

Далее, по одной из ссылок я прочел ещё такую интересную вещь. Мол, различие между терминами «демон» и «бог» прослеживается не всегда, так же, как не прослеживается связь демонов исключительно с силами зла или добра. О, как... Этот вывод меня немного удивил. Получается, привязывая бабку-демона к чистому злу, я ошибаюсь? Так что ли? То есть нет данного понятия «черные» и «белые»? Хотя, Наталья Никаноровна, рассказывая мне про все

эти шахматные партии, уточнила ещё тогда, мол, как вы, то есть, мы, люди, считаем. Присутствовала эта сносочка в ее словах. Мол, на полярные цвета поделили именно мы их. Добро и зло, плохо – хорошо. А по сути, все не так принципиально, что ли?

А потом, вообще, наткнулся на крайне интересную статью. Вопрос к ней выглядел очень, очень странно, но в то же время логично.

Мол, бог не допускает распространения зла, а демоны творят зло.

Неужели они, в этом отношении, превосходят бога своим могуществом? Завис немного, перебарывая фразу. Черт... Но по сути так и есть. Получается, эта самая сила, которую привычно называют «бог», не в состоянии усмирить демонов и дьявола? Они могущественнее, выходит?

Мне, кстати, данное слово кажется каким-то ... неестественным что ли. Проще думать о некой безликой силе, главном разуме, не знаю. Ну, да черт с ним. Сейчас не об этом.

Так вот, далее шло пояснение и ответ на этот вопрос. Бог, вроде как, есть абсолютное Добро или абсолютная Любовь. Он действительно не желает распространения зла, никогда не благоволит грехам. Возможность же демонов строить козни, совершать злые дела связана не с тем, что Господь, якобы, не в силах им противостоять, а с совершенно другими причинами.

Творя ангелов, а демоны, выходит, это и есть падшие ангелы, которые пошли против воли создателя, бог специально наделил их свободой проявления воли и свободой нравственного выбора. Именно свобода обеспечивала им изначально возможность определиться: выбрать добро либо зло.

В противном случае они не смогли бы стать добродетельными в полном понимании этого слова, потому что, по утверждению автора статьи, подлинная, совершенная добродетель основывается и формируется на свободном, а не на принудительно привязанном внешней непреодолимой силой стремлении к Добру.

В свою очередь само понятие о свободе не предполагает, что в случае, если ангелы избирают зло, их тут же за это накажут, уничтожив на месте. Такая «свобода» не была бы свободой. Типа вот, выбирайте. Аа-а-а-а... Выбрали не ту сторону, ну сорян. Хрясь, и нет головы. Или чего там ещё надо отнять у ангелов, чтоб они умерли. Господи... Прямо до ужаса напоминает сцену из фильма: Морфиус и две таблетки – красная и синяя, а потом вопрос, что выбираешь, Нео?

Поэтому злую деятельность демонов нельзя связывать с якобы неспособностью бога им противостоять. Бог грехов не любит, конечно, и потакать этому не собирается, однако разрешает, (вот оно ключевое слово!) грешить демонам. Но при этом, возможность совершения демонами грехов не превосходит границ, установленных богом. То есть они способны грешить ровно настолько, насколько им позволяет Господь.

Между тем бог, подстраивает свои планы так, что даже злые дела падших духов, по итогу оказываются направлены к добрым последствиям.

Я оторвался от монитора и завис, уставившись в одну точку. Хрена себе... Как неожиданно. Во-первых, теперь более понятно, чего Наталья Никаноровна все про эту свободу выбора и невмешательство талдычила. В том и суть. Человек сам должен выбрать, как ему поступить. Взять тот же пример бабки-демона про соседа, что если она решит меня убить, то ей нужно действовать не прямо. Хотя, при желании, голову открутит в долю секунды. Видел некоторые моменты демонстрации силы. Причем, уверен, это была лишь крохотная часть возможностей Натальи Никаноровны. Так вот, внушит она соседу мысль, будто я путаюсь с его женой. А дальше – его личный выбор. Если соберёт вещи супруги и выкинет их на улицу, молча, без разговоров, это одно. Ну, а если реально возьмёт ружье и пойдет мне голову расхерачит, так это – совсем другое. Его выбор. Сознательный.

Во – вторых, и это самый интересный момент, выходит, демоны, дьявол, все они делают лишь то, что по сути им позволено. А позволено именно для того, чтоб люди могли реально понять, каково оно, добро. Не будет зла если, то как разберёшь. Или, к примеру, представим, все, нет ада, нет этих, «черных». Вокруг только добродетель и благолепие. И-и-и-и-и? То есть все, выбор отпал. Но тогда и цена добродетели упадет до нуля...

В общем, загнал я по полной программе, когда мое внимание привлекла мелькнувшая у входа в кухню тень. Поднял взгляд и подавился чаем, который именно в этот момент решил отхлебнуть. На пороге комнаты сидел очень черный, очень жирный кот. Сидел и смотрел на меня наглыми глазами.

– Офигеть... Наталья Никаноровна?

Я медленно встал из-за стола, подошёл к животному и опустившись на колени, наклонил голову, чтоб его морда оказалась напротив моего лица.

– Наталья Никаноровна, это Вы?

Скотина чихнул, а потом принялся умываться одной лапой.

– Иван... Ты чего? Это мой кот. Василий. – Именно в этот момент, по закону подлости, из ванной, которая располагалась рядом с кухней, появилась Лариса.

Черт. Некрасиво вышло. Будь это демон, болонка бы его не увидела. А так теперь получается, демона нет, зато псих есть.

Могу представить, как смотрелась представшая перед Лорой картина. Сидит кот, никого не трогает. А напротив стою чуть ли не на карачках я. Тычусь ему в морду лицом, да ещё и разговариваю.

– Ага. Понял. Василий. – Встал на ноги, отряхивая коленки. – Просто показалось...

– Иван, – Болонка усмехнулась, – Это – обычный кот.

Она поправила полотенце, закрученное на голове, и собиралась уйти в комнату.

– А ну, стоять...

Девушка замерла, потом, неторопясь, снова повернулась ко мне лицом.

– Откуда это странное уточнение? Что кот обычный? А?

Я сделал шаг в ее сторону. Затем ещё один. Лариса попятилась назад, одной рукой придерживая полы халатика, держащегося на честном слове, а точнее, на тоненьком поясе, завязанном бантиком. Похоже, процесс соблазнения всё-таки предполагался, однако, сейчас перестал ее беспокоить по причине моего изменившегося поведения.

– Ты чего, Вань?

– О, как. Ваня. А только что был Иван. И с чего бы тебе, милая, знать, что я встречал необычных котов?

Наклонился, снял с ноги тапочку, пару которых мне дала хозяйка по приходу в квартиру, подкинул ее, то есть тапочку, естественно, не хозяйку, в руке, несколько раз, а потом прицельно, очень резко метнул снаряд в Ларису.

Девушка, взвизгнув, уклонилась.

– Эй! Ты чего? Совсем чокнулся? Крыша поехала?

– Э-э-э-э, нет, милая. Крыша у меня поехала не сейчас, а гораздо раньше. При нашей первой встрече. И я говорю в данном случае не про кафе. Сдается мне, ты не тот человек, за которого себя выдаешь. Да и вообще не человек.

Почему меня переключило? Да потому что интонация, с которой Болонка произнесла ту самую фразу, один в один была, как говорила Наталья Никаноровна. Да ещё это уточнение про кота. Подтекст был там определенный.

– Вань, ты меня пугаешь. – Девушка продолжала пятиться назад и мы уже оказались в коридоре.

– Ну, не все же тебе меня пугать, милая.

Я беглым взглядом окинул помещение. Рядом с вешалкой стоял маленький пуфик. Круглый, компактный, но очень тяжёлый. Эх... если я всё-таки ошибаюсь, очень сложно будет объяснить свое поведение. Особенно врачам, когда они приедут чинить девушке разбитую голову. Но вывести бабку-демона на чистую воду можно только силой. Сама хрен признается, хитро-жопая стерва.

Быстро нагнулся, ухватил пуф рукой. Черт. И правда тяжёлый. А потом со всей дури метнул его в Ларису. Увернуться, отскочить, она уже не могла. С одной стороны была стена, с другой – дверь в комнату. Закрытая.

Аж сердце остановилось, честно. В последнюю секунду все же подумал, что ошибся. Потому как взгляд у болонки стал настолько испуганный, что меня прошибло холодным потом. Твою ж мать.... Неужели просто совпадение... Сейчас разнесу голову ни в чем не повинной девочке.

Однако, ровно за секунду до того, как пуф вхерачился в голову Ларисе, а я к тем уголовным статьям, которые маячили на горизонте, успел добавить ещё одну, девушка резко выкинула руку и поймала его, будто это не тяжёлый предмет мебели, а теннисный мяч.

Усмехнулась нагловатой, до боли знакомой улыбкой, чуть подкинула пуфик вверх, едва не пробив потолок, поймала на лету без малейшего напряжения, хотя мне, к примеру, чтоб кинуть, напрячься пришлось, а затем поставила рядом.

– Ох, и настырный ты Иван. Зато, смотрю, ума то поднабрался. На чем я спалился? На коте?

– На нем, Наталья Никаноровна. Или лучше по-прежнему звать Вас Лорой?

Болонка громко, от души рассмеялась.

– Да что уж там. Давай теперь на «ты». После всего, что между нами было... Так ведь у вас, людей говорят.

Глава 4

– Ну... – Лариса сидела за кухонным столом, напротив меня, потягивая свой любимый чай. Она жмурилась от удовольствия и данная картина вызывала в моей душе очень теплые, почти ностальгические чувства. Реально. Никогда бы не подумал, что такое возможно. За это относительно непродолжительное время я успел, в некотором роде, привязаться к бабке-демон. Она стала частью моей жизни. Далеко, конечно, не лучшей, но тем не менее.

– Что, «ну»? – Я плеснул кипятком в чашку, окунул туда пакетик, при виде которого болонка поморщилась, намекая, что подобным образом заваривать его нельзя. Сама она кинула весьма приличную горсть рассыпного, крупнолистового в заварник.

– Как дела, Иван? Что нового? – Смех да и только. Глянешь со стороны, практически родственники, встретившиеся в конце долгой разлуки.

После сцены с пуфиком и признания своей демонской натуры, Лора шустро переоделась в нормальную одежду, натянув спортивные штаны и футболку. Потом заявила на кухню, сообщив мне с довольным лицом, что нам надо поговорить. Я был исключительно не против, и даже всей душой «за».

– Ты же знаешь, как дела. Раз произошла наша «случайная» встреча. – Притянул к себе чашку и тоже отпил. Это была уже третья по счету порция. При всей моей любви к чаю с лимоном, пока мы перейдем к главной сути, похоже, начну его ненавидеть.

– Может, и правда, случайно. – Лариса усмехнулась очень знакомой улыбкой Натальи Никаноровны. Вот ведь интересный момент. Сидит бабка в другом теле, а на чужую рожу все равно постоянно ее ужимки лезут.

– Да перестань. Давай уже по делу. Что не так? Почему Звезда вернула меня обратно домой, в момент... в момент, когда Лиза... – Я замялся. Говорить это вслух не хотелось. Страшил ответ, который мог услышать.

– Когда Лизка-дура под пулю полезла? Ты про это? – Лариса вдруг с грохотом шлепнула чашку на стол, расплескав содержимое, а потом, приподнявшись со стула, очень неожиданно отвесила мне приличную оплеуху. Не сильно, конечно, но обидно.

– Эй! Ты чего?! – Я потер тут же загоревшееся ухо. – Нарываешься, опять? Прямо не терпится тебе проверить, дам сдачи или нет.

– Ты зачем мне ведьму испортил? – Она оперлась ладонями о столешницу и теперь нависала надо мной, сверкая гневным взглядом.

– Да в смысле?! Кого я испортил? Никого не портил. А Лиза... жива, кстати?

– Кстати?! – Передразнила меня бабка-демон. – Сгубил мне ведьму, а теперь строит из себя дурака.

– Слушай... Я, конечно, скучал по твоим закидонам. Честно. Но все же, давай обойдемся без вот этих муде на воде. В данном случае, имею ввиду твою дебильную манеру напустить туману и держать интригу до последнего. Как видишь, от интриг, твоих именно, ещё раз уточняю, одни проблемы. Что с Лизой?

– Да ничего. Жива Лизка. Только лучше б померла, честное слово. Ты вообще понимаешь, что девка натворила? – Лариса, наконец, убрала руки со стола и уселась обратно на стул. Всё-таки, нависающий над головой демон немного нервнрует. В каком бы она виде не была, теперь я уже не делаю таких ошибок, не забываю, кем является на самом деле существо внутри симпатичной девушки.

– Ну... Типа спасла меня? – Ответ очевиден. Девчонка, как ни крути, реально меня спасла.

– Тьфу ты, мляха муха... Два дебила. Ты и она. Не случилось бы с тобой ничего. Не время для этого. Ранила бы Марта и все. Тебя бы – просто ранила. А рядом, так-то, на секундочку,

была Лизка. Уж что-то, а пулю она бы вытащила. И подлечила бы. Все. Ни проблем, ни забот. А вот Марту бы грохнули. Дед этот, который хозяин дома. То есть, все счастливы, все хорошо. Вот так должно быть. Нет! Ни хрена. Захотелось вам с Елизаветой в Ромео с Джульеттой поиграть. И это не считая того, что ведьма... Ведьма! Вдумайся в то, что говорю. Пожертвовала собой ради тебя. Это, знаешь ли, в спектр ведьминских услуг точно не входит. Не существует данного пункта в прайсе. Не для того они особыми рождаются. Чтоб всяких кретинов спасать ценой своей жизни. Это первое. А второе, не тем силам Лизка служит. Вообще не тем. Там наоборот. Погубить, извести, проклятье какое навесить. Потому и наказана за своеволие. Жива, но закрыта. Ничего больше не может. Вообще. Видеть перестала. Чувствовать перестала.

– Твою мать... И... как она? – Я понимал, о чем говорит Лора. Все особенности, которые в Лизоньке были, это – ее суть. Ее слух, зрение, обоняние. А теперь девчонка будто ослепла и оглохла. Вот так, наверное, она ощущает свое новое состояние.

– Ты знаешь, так счастлива. Радует. Поет и танцует. – Болонка всплеснула руками, а потом прижала их к груди, сложив пальцы замочком, а губы – бантиком.

– И чего, вот, издеваешься? Я же серьезно.

– Если серьезно, так не надо ерунду спрашивать. Страдает. Переживает. Мучается. Очевидно же. Она со своими особенностями с детства живёт. Думаешь, легко всего враз лишиться? А ей, между прочим, надо было с одним делом чекистам помочь. На благо Родины, так сказать. С нужным делом. И что? Теперь? Ничего!

– Стоп! Сразу отматываем назад. – Я отодвинул чашку, чтоб не мешала, а то при такой экспрессии разговора, точно перебьем посуду. Она, между прочим, чужая. – Ты пришла сюда не просто так. Лиза должна была помочь чекистам. Ок. Поэтому снова сидишь напротив меня? Так? Ведь если здраво рассудить, я свое получил. Жизнь моя вернулась.

– Ой, да что ты? – Лариса откинулась на спинку стула, сложив теперь руки на груди крест-накрест. При этом она смотрела даже не с иронией. Чистый сарказм плескался в ее глазах. – То есть обвинение в убийствах, которое совсем не за горами, тебя не напрягает? Ты же мент, в состоянии оценить ситуацию. Соображаешь, что не выкрутишься. Все улики теперь указывают на тебя. Уж поверь. Шок, конечно, будет у многих. Это ведь такой скандал, такой скандал...

– Аа-а-а-а-а-а... Я понял. – Встал из-за стола, подошёл к окну, посмотрел на улицу пару минут, выстраивая мысли в ряд. Необходима была эта пауза. Ну, конечно! Все очевидно! Потом снова повернулся к Ларисе, которая наблюдала за моими перемещениями молча.

– Убийства... Это твоих рук дело. Вот почему не помню промежуток между возвращением и очередным убийством. Я реально вернулся, походу, в свою жизнь. Обычную. И с дедом все нормально, скорее всего, было. Он прожил свои годы, как и должен прожить, без всяких неожиданностей. Поступок Лизы... обнулил все? Да? Книга эта ваша, дьявольская. Все ее действие в отношении моей семьи сошло на «нет», благодаря девчонке. Сейчас именно про себя говорю. Про себя и свою жизнь. Ведьма пожертвовала собой. Либо, как вариант, книгу все же ты забрала. Уж не знаю как, скорее всего, это тоже связано с Лизонькой. Но! Она потеряла все свои способности и это нарушило какие-то другие твои планы. Поэтому для меня ты решила создать условия, в которых я не просто не откажусь вернуться, но и захочу сам. Соответственно, быстренько состряпала мое участие в четвертом убийстве...

– Пятом. – Перебила Лора.

– Не понял...

– Чего не понял? Пятое убийство. Месяц почти прошел. Была ещё одна жертва сразу после возвращения. Дело у тебя окончательно забрали после этого. Тем более, там следственный комитет теперь носом роет. А чего роют, коли толку все равно не будет. – Слышать от моло-

дой современной девушки говор Натальи Никаноровны было очень странно. Хотелось подойти, тряхнуть ее, чтоб на свет божий вывалилась именно бабка. А то такое ощущение, будто она просто сидит в болонке, как маленькая матрёшка в большой.

– Почему не будет? Аа-а-а-а... черт. Ты знаешь, кто убивает. Так ведь? Что ж я туплю... Конечно, знаешь.

– Так ведь. – Лариса спокойно кивнула, соглашаясь. Она даже не планировала спорить. – Знаю, конечно. Это же для меня старается человек. Ради нашей будущей встречи. Нехай старается. Пока что.

– Да ты... блин. Ты понимаешь, он людей убивает. Женщин. Кромсает их. В смысле нехай старается?

В этот момент я все-таки не выдержал. Переклинило меня. От того, насколько равнодушно она говорила о людях, которые стали жертвой этого психа. Подскочил к Ларисе и забыв, что передо мной, не считая содержимого, по сути, девчонка, раза в два меньше со всех сторон, и в высоту, и в ширину, ухватил ее за ворот футболки, подтянув вверх.

Болонка опустила взгляд на мои пальцы, сжимающие ткань, а потом очень спокойно сказала.

– Руки убрал. Пока они у тебя есть, эти руки. Я ж сломать могу. Убивать не буду, просто ломаю. Будешь ногами жрать. И то не факт. Может их тоже заодно оторву.

Пришлось отпустить. Не по причине страха, а исключительно из-за благоразумия. Не первый раз с ней дело имею. Уже давно пора понять, силой тут ничего не решить. Только если хитростью. На каждую крутую задницу, вполне известно, что всегда найдется. Спокойно, Ваня. Спокойно. Сейчас надо играть по их правилам. Чтоб потом установить свои.

– Ладно. Говори, что хочешь. – Осторожно убрал руки от болонки, попутно поправив ее футболку.

Сел обратно на стул. Внутри была какая-то пустота. С одной стороны, конечно, рад, что Лизонька цела-невредима. Но с другой, выходит, проживет она обычную жизнь и здесь, в моем времени, мы не встретимся. Да и жизнь ли это? Именно для нее, имею ввиду. Можно сколько угодно размышлять, плохо или хорошо, то, что девчонка умеет. Тем не менее, могу представить, насколько ей сейчас тяжело.

– Так знамо дело, Иван. Ситуацию исправить. Ты мне ведьму испортил, ты и починить должен. – Лариса сразу посветлела лицом и стала очень даже милой.

Ох, как мне это все не нравится. Вот чувствую всеми доступными и не очень местами, опять бабка-демон мутит свои делишки. Она же не умеет по-другому. Вообще.

– Почему ты думаешь, что я не согласился бы помочь без шантажа в виде трупов? Это же Лиза. Уверен, не нужно сильно быть гением, чтоб понимать, ты прекрасно знаешь, как я к ней отношусь.

– Почему... Почему... – Лора задумчиво потерла подбородок, изображая глубокий мыслительный процесс, а потом вдруг хлопнула ладнью по столу, радостно улыбаясь. – Так потому, что ты уже отказал. Просто не помнишь. Я ж, как порядочный человек, попросил. Всё объяснил. Но ты в тот момент, ещё не наигрался в Ромео. Как услышал, что Лизка жива, сразу, знает, успокоился. Сказал, мол, так будет лучше. Путь она проживет нормальную жизнь и благополучно отчалит на небеса. Дословно не повторяю, но вроде такого прозвучало. Дюже ты переживал, что из-за тебя Лизка могла погибнуть. Сказал, лучше вам и не встречаться вовсе. Как сложилось, так сложилось, тем более, раз все вернулось на свои места. Во-о-о-о-от... Пришлось действовать иначе. А что делать?

– Ясно... – Я провел ладонью по лицу, словно снимая паутину. Отчего-то было такое ощущение, что невесомая липкая хрень осела на кожу.

Бабка-демон брешет, как пить дать. Не во всем, конечно. Насчёт Лизы – это правда. Но вот с остальным, как всегда, присутствует двойное, а то и тройное дно. Прямо покоя ей нет, что девчонка теперь чекистам нужную помощь не окажет. Ага. Непременно. Только о чекистах демон и беспокоится. О чекистах с Советским Союзом на пару. Даже не смешно, ей богу. Это хитрожопое существо обычно за одним поступком скрывает ещё десять, а уж под ними, одно настоящее. И то не факт.

– Ладно. Но у меня есть условие.

– О как... Интересно. Давай. Жги, Иван! – Лариса откровенно насмехалась.

– Имеется несколько вопросов, на которые я требую ответа. – Смотрел на болонку внимательно, серьезно. Не буду поддаваться на ее провокации. Пусть хоть извертится вся.

– Принцип невмешательства... Помнишь? – Девушка подняла указательный палец вверх.

– Помню. Это чисто любопытство. Почему ты всегда в женском теле, а говоришь о себе в мужском роде? Наталья Никаноровна, Елена Ильинична, теперь вот – она. – Кивнул на болонку. – Каждый раз выбираешь женщин. В чем смысл? Подумал бы, что и демоны бывают разного пола. Но ты все равно при разговорах о себе используешь именно мужской род. Значит, точно не баба.

– Эм... Неожиданно. – Лариса реально удивилась. Думаю, она ждала от меня каких-то более глобальных вещей. Что-то типа судьбоносных фраз или вопросов. Но никак не любопытство подобного рода. – Ну... хорошо. Я проспорил. Это наши заморочки. Когда решали с Белиалом, кто и как пойдет, я проспорил. Теперь вынужден все время быть женщиной. Его это сильно веселит. Ну, типа, приколы такой, если по вашему. Да и не только его веселит, если честно. Вернусь, ещё долго будут глумиться, сволочи. И представь, в моем случае, «долго» имеет совсем другие масштабы.

– Понял. Второй вопрос. Ты – Бегемот?

– Э-э-э-э... нет! – Болонка вскочила со стула и отошла к двери. – Что за неприличные вопросы? Это, как у женщины за возраст поинтересоваться. Нас не спрашивают об именах. Мы сами скажем, если сочтем нужным.

– Господи...

– Не надо отца приплетать! – Лариса вдруг резко и очень неожиданно успокоилась. Хотя, это надо взять на заметку, последний вопрос ее реально заставил нервничать.

– Просто скажи, да или нет?

– Нет! Я не Бегемот. Гляди-ка. Просвещенный он. Бегемота знает. Все?

– По вопросам, да. А теперь давай договариваться.

– В смысле? Ты же сказал, задашь вопросы и все.

– Что за глупость? Нет, конечно. Сказал, что задам вопросы чисто ради любопытства, но не говорил, будто это и будет ценой за помощь.

В комнате повисла пауза. Болонка смотрела на меня с некой долей удивления. Будто впервые увидела.

– Ох, Иван... А ты и правда поумнел. Повзрослел. Набрался всяких премудростей. – Бабка-демон погрозила пальцем. – Я ведь могу ничего не платить за твою помощь. Оставить с убийствами на шее и все.

– Можешь, но только по-прежнему сидишь на этой кухне, в этом теле и пытаешься договориться. Значит, не только мне это нужно, но и тебе. Даже тебе, наверное, сильнее. Ну, что я? Найдут, осудят, впаяют максимальный срок. Ок. Ну так у меня никого и ничего нет. Ни семьи, ни жены, ни детей. Сяду. И что? Противно, обидно, мерзко, но в принципе, за свою совесть спокоен, знаю, что не убивал. Помру без душевных терзаний. Зона... Ну, ничего. Отсижу. А вот тебе сильно припекает. Очень сильно. Так что? Договариваемся или как?

– Договариваемся. – Лариса кивнула. При том, что она выглядела спокойной, или очень хорошо делала вид, будто все идёт по плану, тем не менее, я несомненно видел, бабка-демон напряжена. Слишком хорошо уже ее изучил. Интересно девки пляшут...

– Ты спасёшь мне жизнь. Один раз. Как и было. Объясняю, почему вот такое условие. Я знаю, что этот момент произойдет. И мне там не выжить без твоей помощи. А выжить надо. Так что вот моё условие. Я отправляюсь с тобой и помогаю во всем. Ты спасёшь меня в Сирии.

– Договорились. – Лариса шагнула ко мне, протягивая руку, которую я, на секунду засомневавшись, все же в итоге пожал.

Глава 5

– По голове бить не дам. Даже не пытайся. – Сразу предупредил Ларису, помятуя о прошлых ситуациях с перемещением. У них какая-то тяга к членовредительству. Надоело, честно говоря.

– Ой, кому нужна твоя голова. – Она отмахнулась, будто я сказал несусветную глупость. – Это ерунда, баловства ради было. Ничего там ценного, кстати, в ней нет, чтоб сильно волноваться.

– Ну, знаешь, кому как...

Нормально? Балуются они. Мне такое баловство боком выходит. Точнее, не мне, а деду. Кстати...

– Я опять в тело Иваныча? По-другому, никак? Может, там, например, боевой товарищ? Нет?

– Ну, ты глупых то вопросов не задавай. – Болонка положила руку ладонью вниз на стол, а когда убрала, там лежала Звезда Давида. – Конечно. А куда хочешь? Есть конкретные пожелания? В Сталина? В Гитлера?

– Очень смешно. Просто дергаюсь каждый раз, чтоб не навредить Иванычу. – Фокус, конечно, произвел на меня впечатление, но постарался не показать, насколько. Просто она реально появилась из воздуха, Звезда. Рука Ларисы была совершенно пустой до этого. Бабка-демон редко снисходила до того, чтоб демонстрировать какие-то подобные штуки. Как правило это случалось в виде чистой импровизации, в момент, когда она злилась. А тут прямо наглядно и откровенно.

– В этом суть, Иван. В этом суть... – Многозначительно протянула болонка, а потом перевела взгляд на проводник, лежавший на столе. – Бери. Твое. Не стесняйся. На хранении у меня было.

– Ага. Конечно. – Я послушно потянулся за Звездой. У нее, между прочим, имелось лишь пять лучей. Даже интересно, как Лариса собирается привести эту штуковину в рабочее состояние.

– Чего хочешь сейчас? Ну? Так. Откровенно. – Ее взгляд был привычно насмешливым. Каждый раз, когда думаю, что способен перехитрить это существо, тут же возникает ощущение, будто оно надо мной просто глумиться, и там на каждое мое действие имеется несколько вариантов противодействия.

– Хочу, чтоб все быстрее закончилось. Бесконечная какая-то кутерьма. Ушел, пришел, ушел, пришел. И главное, не вижу финальной цели. При таком раскладе, вы меня можете до конца жизни дергать.

– Можем. – Лариса, соглашаясь, утвердительно кивнула. – И будем, если понадобится. Видишь ли, Иван, дед твой особый человек. Он, можно сказать, между смертью и жизнью по границе прошел. И там не остался, и сюда вернулся не полностью. Мать – то его сильно просила за младшего. Так просила, что услышали. И ты у нас парень не простой. Отец твой был обычный. Так себе. Ни плохо, ни хорошо. Ни рыба, ни мясо. Одно время и к нему приглядывались. Как все он. Никакого изюму. Но вот ты... Так что, знаешь, не могу обещать, что мы больше не встретимся, когда всё закончится в этот раз.

А вот такая откровенность мне совсем не понравилась. Это что, выходит? Жить, как на вулкане? А вдруг опять заявится парочка мутных личностей и отправит меня хрен его знает, куда? Так ещё это «хрен его знает, куда» обычно имеет множество вариантов итога. Вот оно мне надо? Сейчас бы все завершить и до свидания. Хотелось бы пожить нормально. «Как все, обычно» меня наоборот устраивает.

– Ты, Иван, об этом пока не думай. Не это сейчас важно. Помни про наш уговор. Тебе надо Лизку в норму привести. Понял? И давай без фокусов. Ты правильно размышлял прежде, нет у вас будущего. Так что нечего себе голову дурью забивать и девку мне портить. У нее своя судьба. Понял?

Лариса вдруг нагнулась вперед, ухватив своей рукой мою руку. Ту самую, в которой была зажата Звезда Давида.

– Не прощаюсь, встретимся скоро. Ты теперь парень опытный, гораздо быстрее пойдет наше дело.

Пока болонка говорила все это, ее пальцы с каждым словом сильнее сжимались в кулак, автоматически сдавливая мои. Я уже чувствовал, как лучи Звезды впиваются в кожу. Дёрнулся, пытаюсь вырвать конечность. Куда там! Хватка была такая, что не пошевелить рукой вообще. При этом глаза болонки начала затягивать знакомая чернота. Такое ощущение, будто со всех сторон в центр радужки собиралось что-то пугающе темное. Я хотел отвернуться, потому как зрелище, честно говоря, не из приятных, но тоже не смог. В ту же секунду в голове будто что-то щелкнуло, взорвалось. Я моргнул и уставился, от изумления приоткрыв рот на ... Тихонова, который сидел напротив меня за столом, застеленным темно-зеленым сукном.

– Ну, не сука тебе... – Вырвалось вслух на эмоциях.

– Сука. – Согласился Никита Пахомович. – Потому и надо к нему подобраться. Это – финальная часть. Самая сложная.

Вообще-то, мое высказывание, конечно, в первую очередь относилось к бабке-демону. Не знаю, о ком говорил Никита Пахомович. Эта сволочь, Наталья Никаноровна, несколько раз отправляла меня, то туда, то сюда, путем причинения различных травм, а по сути, можно было вот так. Просто вручить Звезду Давида и сверкнуть своими черными зеньками.

– Значит, Иван, как и говорил, дело серьезное. Отправитесь в тыл врага. Ориентировочно высадка на 26 августа. Там вас будут ждать. Партизанское соединение. Место будущей работы – Ровно. Цель, конкретно ваша с Натальей Никаноровной и Елизаветой – прикрывать, оказывать помощь определенному человеку. Встретитесь с ним перед тем, как состоится вылет. Это один из самых опытных, самых надёжных разведчиков. Состоит в 4-м управлении НКВД с января этого года, но готов для предстоящего дела идеально. Ещё до войны много времени провел среди немцев. Ему тогда «сlegenдировали» профессию инженера-испытателя московского авиационного завода. Чтоб ты понимал, именно при его участии в квартире военно-морского атташе Германии в Москве фрегаттен-капитана Норберта Вильгельма Баумбаха был вскрыт сейф и пересняты секретные документы. Участвовал в перехватах дипломатической почты, когда дипкурьеры останавливались в гостиницах, в частности, в «Метрополе», смог попасть в окружение военного атташе Германии в Москве Эрнста Кёстринга. Это позволило наладить прослушивание квартиры дипломата. Его готовили именно для подобной деятельности, той, которая вам предстоит. В Германии он наблюдал за бытом и нравами, знает все до мельчайших подробностей. Лично общался с высокопоставленными чинами Третьего рейха. Удивительная штука, Иваныч, но он потрясающе сильно похож на истинного арийца. Владеет шестью диалектами немецкого языка. То есть, выясняет, откуда родом его собеседник, и словно по щелчку пальца переключается на нужный диалект. Зимой ему «сlegenдировали» новую биографию. Теперь это – немецкий офицер, обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт. Вам он будет представлен под именем Николая Грачева. Большого сказать не могу. И без того сейчас озвучил секретную информацию, лишь потому, что задание предстоит, мягко говоря, не из простых. При всей его подготовке, есть опасение, что возможен риск провала. Поэтому с ним в качестве страховки, идете вы. Елизавета, конечно, до сих пор в себя не пришла, хотя уж с октября-то минуло почти десять месяцев, но Наталья Никаноровна уверяет, со дня на день станет лучше. Все вернется обратно. Не верить ей нет причин. С первой минуты нашего сотрудничества,

не смотря ни на что, княгиня ни разу не подвела. Особенно после той истории, что приключилась с вами по дороге в Москву из Калинина.

Я моментально напрягся. Вот эта дорога из Калинина в Москву интересовала меня в подробностях. А в частности, как Лиза оказалась жива. То, что бабка-демон приложила руку, это даже без сомнений. Но как именно, хотелось бы знать. А в лоб и не спросишь.

Я опустил взгляд, бегло осматривая себя. На мне была форма, но обычная. Имею в виду, летний вариант. За окном – вполне себе зелёные деревья. Учитывая обозначенную Тихоновым дату и озвученный срок, прошедший с момента той ситуации в деревенском дворе, сейчас, скорее всего, август 1942 года.

Я незаметно огляделся. Повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую. Будто шея затекла. Сидим в книжном хранилище. Лубянка.

Из-за книжных полок послышался звук шагов. Как в песне. Я узнаю ее из тысячи. Что-то типа того. Наталья Никаноровна ещё не показалась на глаза, а я уже знал, это идёт она.

– О-о-о-о-о, Иваныч. Здравствуй. Давно вернулся? Никита Пахомович так и не рассказал нам, куда тебя отправил на два месяца. – Бабка-демон в своем знакомом, привычном виде, это несомненно, смотрелась очень органично.

И костюмы ее эти, и жабо, и шляпка с ридикюлем. Может, конечно, я просто привык считать именно такое лицо настоящим, но оно ей однозначно шло больше прочих.

– Сегодня он вернулся, Никаноровна. – Ответил за меня майор. – А все говорить вслух, необязательно. Ты, мне кажется, и без того знаешь больше положенного. Лучше скажи, как там Елизавета? Нужна она сильно. Сама понимаешь.

Меня немного удивило то, каким тоном Тихонов говорил с бабулей. В голосе майора больше не было строгости или металла, как раньше. Они будто стали... черт... ну, да. Они будто стали хорошими знакомыми. Назвать друзьями все же не могу.

– Нормально Елизавета. Говорю тебе, товарищ майор, все будет хорошо. Девочка приходит в норму. Сразу предупреждала, без последствий все, что случилось, не останется.

При этом Наталья Никаноровна мимоходом, но так выразительно на меня посмотрела, что я без сомнений понял, вот это «приходит в норму» относится к моему договору с ней. То есть, она обещает Тихонову, что все наладится, лишь отталкиваясь от моего присутствия. Это, конечно, круто, но, как всегда, в открытую играть бабуля не может. Прежде, чем сжала мою руку, когда мы сидели за столом, конечно же, ни слова не было сказано о том, как конкретно я могу помочь Лизе. А теперь и спрашивать бесполезно. Будет опять рассказывать о невмешательстве и о том, что в будущем говорить о прошлом можно, а тут хрен тебе, а не подсказки, Иван.

– Присоединяйся. Обсуждаем с Иванычем предстоящее дело. – Майор указал бабке-демону на один из диванов. Я же сидел на стуле, как раз напротив самого Тихонова.

– Ты за гауляйтера? – Небрежно поинтересовалась Наталья Никаноровна, устраиваясь поудобнее.

Тихонов еле заметно поморщился.

– Наталья... не привыкну никак к твоим фокусам. Решение принято только сегодня днём, а ты уже в курсе.

Я вопросительно посмотрел на майора. Что за невиданная хрень? Слово немецкое, но означать может, что угодно. Однако, тот пока пояснять не спешил. Более того, вообще сослался на срочные дела и вышел из хранилища, пообещав скоро вернуться.

– Слушайте, тут буду все же на «Вы». Странно, если пацан начнет «тыкать» пожилой женщине. Меня... блин... то есть деда два месяца не было? – Реально начинаю путать себя и Иваныча. Этак скоро начну его жизнь своей реальностью считать. Опасно.

– Угу. – Наталья Никаноровна откинулась на спинку дивана, вытянув ноги, и прикрыла веки. – Тяжело после молодого тела эту рухлядь носить...

– Могу посочувствовать, но сразу говорю, это будет неискренне.

– Даром мне твое сочувствие не нужно, – Бабка-демон махнула рукой. – Да. Тихонов тебя отправлял в специальный лагерь. Профессиональная подготовка, так сказать. Ничего нового. Для тебя. Для Иваныча, да, было полезно.

В этот момент вдалеке хлопнула входная дверь. Сначала думал, майор так быстро вернулся. Но звук шагов однозначно казался более лёгким. Когда Лиза вышла из-за стеллажа, внутри как-то сначала все замерло, а потом появилось ощущение радости. Может, даже, счастья. Не знаю. Мне не с чем сравнивать. Я улыбнулся, искренне, от души, вскочил со стула и в два шага оказался рядом.

– Здравствуй. – Взгляд блондинки был холодным настолько, что можно замораживать лед.

Я вроде протянул руку, планируя ее обнять. Не совсем уж охалаяпить, но всё-таки как-то проявить те эмоции, которые девчонка вызвала своим появлением. Однако подобная встреча мало располагала к душевности. Вообще не понял, в чем прикол? Она злиться почти год? А Лизонька однозначно злилась. Не надо обладать даром чтения мыслей, чтоб это понять. У нее на лице было написано огромными буквами, а не пошел бы ты, Иван, на хрен. Уж эти сигналы я прекрасно вижу. Да и сложно не увидеть, если интересующая меня особа смотрит свысока, разговаривает через губу.

И что я сделал не так, интересно?

– Видишь, Лизка, Иван вернулся. – Наталья Никаноровна приоткрыла один глаз, все так же полулежа на диване.

– Вижу. Не знала, что ты здесь.

Последняя фраза явно предназначалась мне. Так. Ладно. Очевидно, я в «черном списке». Осталось выяснить, с какого перепуга. Может, винит меня во всем? По крайней мере, это единственная причина, которая хоть как-то может объяснить ее поведение.

– Буду ждать тебя дома.

А вот это уже было сказано Наталье Никаноровне. Потом девчонка развернулась и просто ушла. Ни тебе до свидания, ни вообще каких-то других слов. Молча.

– И что это было? – Я развел руками, потому что, между прочим, было даже немного обидно. Я, конечно, к бабской дури привычный, но от Лизоньки не ожидал. В свете последних событий, которые мы пережили, она казалась мне другой.

– Как тяжело то... – Наталья Никаноровна приняла сидячее положение, а потом посмотрела на меня так, будто это я идиот. – Иван, ну ты голову то включи! Все, что между вами происходит, это происходит между вами! Только в те моменты, когда ты здесь. А потом возвращается Иваныч, и он этого не помнит. Для него Лизка – реально сослуживец. И вот представь состояние девки. То мужик ее в койку тащит. То бегают, как от прокаженной. Это же все было с тобой, а не с твоим дедом. Он как в себя придет, ни черта не понимает, с какого перепугу Лизка ему глазки строит. И старается ее избегать. А девку тоже пойми. Для Лизки все это выглядит так, будто Иваныч издевается. Вот и не хочет больше никаких надежд питать. Ясно?

Вот это, оказывается, номер выходит... Слова бабки – демона упорно не хотели исчезать из моей головы. Просто, даже в мыслях не было никогда, что на происходящие между мной и девчонкой события нужно смотреть отталкиваясь от того, кто в этот момент является Иванычем. Но по сути, все очевидно. Действительно, дед никак не может помнить того, что делал его внук. Скорее всего, каждый раз, когда его сознание возвращается, он, обнаружив провалы и темные пятна в своих буднях, банально ссылается на какие-то естественные для этого причины.

А я, главное, периодически загоняюсь, как мы с дедом ухитрились в одну женщину влюбиться, моральные терзания испытываю, размышляю об этичности данной ситуации, а Иваныч вообще не при делах. Так получается? С одной стороны все слишком сложно, а с другой – честно говоря, стало значительно легче от полученной информации.

Ешкин же ты кот... Представляю, что думает обо мне Лизонька. Псих, не иначе. Или просто мудака. По факту переспал с ней, а потом начал делать вид, будто ничего не произошло без каких-либо объяснений. Не то, чтоб я всегда отличался исключительной порядочностью, всяко бывало. Но с женщинами предпочитал говорить в открытую. Даже если это были случайные, короткие связи, обозначал сразу. От ответственности точно никогда не бегал. Люди взрослые, что тут из себя изображать. Особенно неприятно, что все это происходило после того, как девчонка, пусть даже по заверению Натальи Никаноровны, очень ни к месту, решила спасти мою жизнь.

– Иваныч! О чем думаешь? Слушай внимательно. – Тихонов, вернувшийся почти сразу после ухода Лизоньки, из-за чего разговор с бабулей, как уже водится, прервался на самом интересном месте, зыркнул на меня недовольным взглядом. Майор даже нахмурился, сурово сведя брови.

Он сидел на привычном месте, за столом, мы с Натальей Никаноровной, напротив. Это было что-то наподобие военного совета и планирования предстоящего задания.

– Тут я, Никита Пахомович. Тут. – Вынырнул из своих размышлений о девчонке. Майор прав. Об этом подумаю потом. Сейчас необходимо сосредоточиться на деле.

– Ну-ну... Так вот... Работаете по линии «Т». Террор. Ясно? Беспощадное уничтожение врага, а не только разведданные. В первую очередь, нас интересует рейхскомиссар Эрих Кох. Город Ровно сейчас – столица рейхскомиссариата по его решению. Там находятся основные учреждения оккупационной администрации, тыловые части, управление экономикой округа, судебные учреждения и резиденция самого Коха. Главная цель – его ликвидация. Отряд «Победитель» под командованием Медведева ждет вас на месте. Они десантированы на житомирщине ещё в июне, почти два месяца назад. Это группа Судоплатова. Там отлично подготовленные люди. Триста километров они прошли незамеченные пешком. Сейчас, ведут свою деятельность в ровненских лесах.

– Вот тот, кто нас интересует. – Тихонов положил передо мной и Натальей Никаноровной черно – белое фото.

Мужик, изображённый на снимке, сильно напоминал Гитлера, только лицо значительно покруглее. Возможно, из-за таких же маленьких усиков, как и у фюрера, возникало ощущение схожести с руководителем Третьего рейха.

Бабка-демон потянулась к столу, взяла изображение в руки, глядя на него с интересом. Повертела, рассматривая, а потом вернула обратно.

– М-м-м-м-м... Какой сложный мальчик... Много комплексов. Особенно по поводу внешности. Поэтому усы себе прицепил, как у Адольфа. Пытается соответствовать образу. Жесток, собака, без меры. Неоправданно. Ну, ты знаешь, Никита Пахомович... не хочу расстраивать, однако, умрет он своей смертью.

Майор недовольно прищелкнул языком, выражая сожаление. Информация, озвученная Натальей Никаноровной его явно озадачила и дале расстроила.

– Уверена? – Он внимательно посмотрел на бабу-демона, ожидая ответа. Надо же. Настолько стал доверять товарищ майор государственной безопасности бывшей светлейшей княгине?

– Ни в чем нельзя быть уверенным. Никогда. Сколько раз говорить. Я тебе не гадалка из цыганского табора. Будущее переменчиво. У каждого своя дорога. Если в какой-то точке человек в малейшем, крохотном вопросе или сомнении поступит не как обычно, не соответственно своему характеру, своей натуре и своим привычкам, многое сразу может измениться. Сейчас говорю тебе так. Именно сейчас. В данную минуту. Но это не значит, будто нужно однозначно отталкиваться от того, что я вижу. Надо пробовать.

– Я понял... – Майор снял фуражку и провел рукой по волосам, приглаживая их. Он практически незаметно, отлично данный факт скрывая, тем не менее, слегка нервничал. – Хорошо. Продолжим. Вы будете заброшены в сарненские леса под Ровно. В отряде вас будут знать, как «Княгиня», «Ведьма» и «Студент». Подробности и детали своих легенд получите в самолёте. Вам некоторое время придется провести в партизанском соединении, чтоб подготовиться вполне хватит. Позывной Грачева – «Колонист». Он – руководитель группы.

– Ох, Никита Пахомович, что ж такая скромная, модно сказать, скудная фантазия у чекистов. – Усмехнулась бабуля. – Княгиня и Ведьма... Можно не пояснять. Вполне понятно, кто из нас троих кто. Когда вылет?

– Сегодня ночью. – Тихонов снова вернул головной убор на место, а потом встал из-за стола и прошел к полкам. Ему явно было тяжело нам говорить то, что он планировал сказать, поэтому майор не поворачивался лицом и в глаза не смотрел, ни мне, ни бабуле. – Не буду скрывать, обратно вы, скорее всего, не сможете вернуться, пока части нашей армии не войдут на территорию Ровно. Пока не точно, однако, думаю, так и будет. Не могу признать, будто данная перспективе сильно мне нравится. А точнее, не нравится вообще. Но... Здесь нет места личным амбициям, эмоциям и чему-то ещё. Сведения, находящиеся сейчас в Ровно, поступающие туда с периодичностью, те люди, которых мы должны уничтожить, гораздо важнее, чем мои мысли по поводу вашего участия. Не думал, что у нас сложится настолько отличная группа. Говорю честно. Когда было принято решение о создании 13-го отдела, сильно сомневался. Однако... Вот как оно все вышло. Мы уже не встретимся до вашего вылета. Просто хочу, чтоб вы знали, я рад был работать с вами.

– Да ты нас раньше времени то не хорони, Никита Пахомович. – Наталья Никаноровна подмигнула мне, кивнув в сторону Тихонова, который в этот момент стоял полубоком, разглядывая корешки книг, а соответственно, жеста бабули – демона не заметил. Судя по всему, эта язвительная особа намекала на трогательность момента.

– Ни в коем разе! – Майор все же повернулся лицом, прошел к столу и снова уселся на место. – Это так, на всякий случай. Задачи, который вы будете получать в Ровно слишком важны. Все. Отправляйтесь домой. Вечером Грачев будет у вас. Потом – вылет.

Мы с Натальей Никаноровной молча поднялись на ноги и послушно двинулись к выходу. Но в последнюю секунду я все же остановился, вернулся к Тихонову, и пожал молча майору руку. Потом уже вышел вслед за бабулей.

Как ни странно, когда догнал ее, она даже не стала глумиться или комментировать все это, хотя подобная реакция, как и поведение, были более уместны для ее мерзкого характера.

– Вы странно покладисты, Наталья Никаноровна. – Подстроится под мелкий старушечий шаг, пытаюсь идти вровень.

– Настроение такое Иван. Я – женщина пожилая. Сильно подвержена его перепадам. – Ответила бабуля совершенно серьезно. Ее, как и Тихонова что-то беспокоило. Видео это наверняка.

Мы покинули здание Лубянки, оказавшись на улице. Бабка-демон махнула рукой, задавая мне направление, куда нам предстояло пойти.

– Двигаем туда. Времени не сильно много, если честно. Заскочим в одно место. Его обязательно надо посетить.

Я не стал уточнять, куда именно, потому как, знаю Наталью Никаноровну уже неплохо. Насколько это, конечно, применимо в данном случае по отношению к данному существу. Если бы она хотела мне сообщить конкретный адрес, то сделала бы это изначально. Раз молчит, соответственно, что-то затевает.

– Скажите, по поводу Лизы. Понимаю, любой вопрос с моей стороны вызовет стандартный ответ. Мол, нельзя вмешиваться. Но всё-таки, один маленький нюанс. Это касается только нас? Посторонние предметы, люди, события, имеют отношение?

– Ох, Иван... – Наталья Никаноровна посмотрела на меня снизу вверх. То ли Иваныч стал чуть выше, то ли она, как все пожилые люди, а законы физиологии никто не отменял для данного тела, не смотря на его содержимое, начала расти вниз. – Знаешь, по началу с тобой проще было. Тупил много, но зато и вопросов задавал мало. А ещё меньше пытался играть во взрослые игры. Но ты знаешь, отвечу, пожалуй. Да, это касается вас двоих.

Мы свернули с главной улицы в какие-то дворы, прошли их насквозь и снова оказались у проезжей части. Москва, конечно, больше не выглядела, как тот город, который я застал в октябре 1941. Больше не было страха, не чувствовалась паника. Люди, которых, все равно встречалось нам предостаточно, словно ощутили уверенность в том, что враг все равно рано или поздно будет разбит.

– Ладно. А чисто любопытства ради. Что с Мацкевичем и Мартой? Реально интересно. Вы говорили, у Генриха была важная роль, но по сути, так понимаю, он ее уже выполнил. Не помер ещё?

– Иван... – Многозначительно протянула бабка-демон.

– Да все, все... Отстал.

В этот момент Наталья Никаноровна свернула в очередной раз и остановилась. Я, естественно, тоже.

Перед нами была церковь. Серьезно. С удивлением посмотрел на бабулю, которая замерла напротив, рассматривая место, где ей быть, как бы, не положено.

– Вы хотите попасть в храм? Я не сошел с ума?

Видимо в моем голосе было слишком много недопонимания ситуации. Ну, а как иначе. Вообще-то Наталья Никаноровна – демон. Я все понимаю, но тем не менее, во всех ужастиках, где фигурировали одержимые или что-то подобное, во всех мистических историях с участием потусторонних существ, эти самые существа никак не могли войти в то здание, которое вроде считается домом силы, им противоположной.

– Мне оно даром не надо. Но когда понадобится, то запросто. Если ты об этом. Вся вот эта ересь, в которой, переступи я порог, меня охватит огонь, пронзит свет, разорвет на части благодать – чистой воды ересь и есть. А вот ты иди. Тебя ждут. Причем, уже давно.

Глава 6

– Иван! Вернулся.

Я остановился у входа, едва переступив порог, потому что во-первых, отродясь по церквям не ходил, как себя правильно вести, понятия не имел. Во-вторых, не вкурил, кого именно ждать, и о ком говорила бабка-демон.

К счастью, сразу же увидел знакомое лицо. Навстречу мне шел отец Алексей, в рясе, с крестом, тем самым, кстати, деревянным, на груди. Широко раскинув руки, он приблизился и обнял. Мужик, между прочим, заметно поправился, посвежел. И теперь, когда его лицо не напоминало одно сплошное месиво, реально было видно, что с дедом они сильно похожи.

Наверное, я даже был рад его видеть. В ответ тоже обнял, похлопывая по спине.

– Ну, как оно? Наталья Никаноровна сказала, тебя отправляли в какой-то специальный закрытый военный лагерь для углубленной подготовки. Подробностей не стал добиваться, понимаю, информация секретная. Идём на улицу, там поговорим.

Брат Иваныча слегка прихватил меня за плечо, направляя обратно к выходу.

Мы спустились по ступеням. Бабули видно не было. Уже успела куда-то смыться. Я повертел головой, но так нигде не и не заметил.

Прошлись с Алексеем вокруг церкви, потом немного посидели на лавочке, которая находилась за храмом. Он откровенно был рад видеть брата. То и дело, трогал меня за плечо, улыбался, смотрел так, как могут смотреть только люди, искренне тебя любящие. Семья.

Я косился на крест, но спросить в лоб, конечно, не мог. Раз он у священника, значит, по идее, это было желание и решение Иваныча. Странно, спустя столько времени, поинтересоваться, с чего это я эту вещь решил оставить у брата.

Ещё, каждый раз, когда мы смотрели друг на друга, мне становилось не по себе от того, что я словно наблюдал перед собой значительно помолодевшего, по сравнению с моими реальными воспоминаниями, Иваныча.

Я же не изучал себя ежедневно в зеркале здесь, в прошлом, соответственно сильно на эту тему как-то не парился. Теперь, когда напротив сидела точная дедовская копия, мне было ужасно тоскливо от того, что самого Иваныча я больше не увижу никогда. Вообще. Никогда. Но главное, никогда ничего не смогу ему сказать. Конечно, имея такую возможность, я бы не стал уж совсем иначе себя вести. Ну, имею в виду, там всякие трогательные моменты, громкие слова и так далее. Нет. Думаю, такого внезапного потока любви со стороны внука дед бы тоже не понял. Но вот простые, элементарные вещи теперь бы выглядели по-другому.

В общем, почти час мы говорили с отцом Алексеем обо всем и ни о чем. Он рассказал, вкратце, как у него дела, правда, начиная с периода двухмесячной давности. С того дня, когда Иваныча отправили на какое-то углубленное обучение. То, что было до этого, теоретически, я должен знать. Но главный итог рассказа моего дядьки – все у него отлично.

Спустя час он извинился, сказал, что надо идти по рабочим делам, и мы, обнявшись, распрощались. Я остался сидеть на лавочке, задумчиво глядя вдаль. На душе было непривычно тепло и хорошо. Как ни крути, он мой кровный родственник. Единственный вопрос, почему в обычной жизни я о нем не знал. Причина в том, что до моего вмешательства немцы отца Алексея все же убили? С Иванычем они так и не встретились?

– Ох и рожа у тебя. Как у обожравшегося сметаной кота. – Голос раздался настолько неожиданно близко, что я вздрогнул.

Бабка-демон, будто возникла из воздуха и теперь сидела рядом, точно так же, разглядывая горизонт.

– Как же задолбали ваши эти штучки, дорогая Наталья Никаноровна...

– Привыкнуть уж пора. – Она выглядела очень задумчивой, в отличие от того, что более свойственная ей манера общения – сжегивать яд литрами. Вообще, в этот раз бабуля была какая-то на себя сильно не похожая. Она словно постоянно о чем-то размышляла. И это, честно говоря, пугало больше, чем ее довольные улыбочки и бодрый вид. Демон, который напряжённо гоняет мысли в голове, ничего хорошего не может предвещать.

– Слушайте... Зачем мы это делаем? Вернее, зачем Вы это делаете? – Я снова задал сильнее всего интересующий меня вопрос. Да, статьи в интернете давали понимание, что у нее просто могут быть связаны руки более серьезным оппонентом. Но все же.

– Что, «это»? – Бабка-демон покосилась на меня, но головы не повернула.

– Ну, вот это все. В тот раз разведданные. В этот – ликвидация Коха. Я, конечно, не особо профи в данной теме но о нем достаточно слышал. Ещё по урокам истории. Вот снова интересная штука выходит. Он – маньяк и садист, считающий всех кроме немцев, расхожим материалом. По идее – ваш клиент. Руки по локоть в крови будут очень скоро. А вы подписываетесь на его ликвидацию.

– Эх, Иван, Иван... Сколько раз говорить, очень вы, людишки все однобоко судите. Вот прям медом не корми, но дай вам ярлыки развешивать. Этот – злодей. Тот – убийца. А вон третий – хороший человек. У всего, Ваня, есть цена. У всего. Только масштабы разные. Все не так, как кажется. Правда? – Она, наконец, посмотрела прямо на меня, с насмешкой во взгляде.

Конечно, от того, что слова, сказанные когда-то Иванычем, прозвучали из ее уст, немного поддержало. Но виду не стал показывать. Продолжил непосредственно по теме.

– Да в смысле? Белое, это белое все равно. Чёрное, это чёрное. Не могу я понять, как можно не просто оказаться серым, а вообще метаться из одного цвета в другой.

– Не можешь, потому что неверно смотришь. И судишь. А уж тем более, когда это касается не твоей, на хрен никому не нужной человеческой жизни, а реально больших, очень больших ставок. Вот давай так... Эх... Какой же пример тебе привести... Ладно. Давай что-то из более современного. Для тебя понятного. Про «Курск» слышал же, однозначно? Не мог не слышать, не смотря на возраст.

– Вы про атомную подводную лодку? Которая затонула? Конечно, слышал. Хоть и подросток был, но знаю. Это же случай – один из самых трагичных и громких. Если не ошибаюсь, самый громкий в истории флота.

– Ну, вот ответь мне, отчего произошла такая оказия? Почему потонула ваша лодка? Давай.

– Черт...

Я принялся вспоминать, все что знал об этой действительно трагичной истории. 12 августа 2000 года атомная подлодка затонула в Баренцевом море. Выжить никому не удалось, все члены экипажа погибли. Там была какая-то неоднозначная история с их спасением, но по общепринятой, официальной версии, произошла утечка пероксида водорода, торпедный аппарат пытались продуть необезжиренным сжатым воздухом, мол так они проводили плановые профилактические мероприятия, в результате чего произошли воспламенение и детонация боевой части торпеды. Погиб весь экипаж первого отсека, начался неконтролируемый пожар, который привёл к взрыву оставшихся торпед и уничтожению лодки.

– Вспомнил, вижу. – Довольно кивнула бабуля. – В том числе и официальную версию. Так? Ту, что признали после расследования верной.

– Так. Не пойму, при чем тут это? Связь какая с темой нашего разговора? Речь шла о том, что правда она одна. Одна. И если ты белый, то будь добр ее и придержишься. Вот это, и «нашим», и «вашим» тур не канает.

– Погоди. Давай по порядку. А вот теперь смотри, Иван. Официально лодку обнаружили 13 августа, и было сказано, будто она затонула на глубине 108 метров с большим креном на правый борт. На самом деле визуально «Курск» был обнаружен днём того же дня, это уж

известно теперь наверняка, когда произошла авария. Да и лежала лодка на дне без осязаемого крена, как рассказывали впоследствии иностранные спасатели, которых «подтянули» вообще не сразу. Хотя должны были. Вот тебе – первый момент возможного вранья. Идём дальше. Возникает вопрос: а что, собственно, делал мощнейший атомоход, на глубине 108 метров, которая не является для него рабочей? И не надо так коситься, я не из каменного века. Знаю, конечно все современные ваши примочки, в том числе про всякие прогрессы. Так вот смотри. Если ты, Ваня, к примеру, поставишь «Курск» на месте аварии стоймя, то он на целых 48 метров покажется над водой. Но и это далеко не самый острый вопрос. Странно, например, то, что входивший в эту вашу Книгу рекордов Гиннеса, как образец живучести, «Курск» потерял управление и погиб из-за взрыва одной-единственной устаревшей торпеды. Ещё более странно, что американцы, отирающиеся рядом, зафиксировали только два взрыва: один чуть слабее, второй мощнее раз в пять – шесть. Ни в результате сравнительно слабого пожара, ни при ударе о грунт все оставшиеся торпеды не могли детонировать одновременно. Ты же военный, понимаешь. Представь себе, как детонируют заряды, стоящие друг за другом. Ну уж точно не в одну секунду коллективно. Верно? В любом случае, непременно зафиксировали бы серию взрывов, а не один. И последнее, по официальной версии, никто из экипажа «Курска» не имел опыта стрельбы «Китами». Теми самыми ракетами, одна из которых взорвалась. Если помнишь, утверждали, что именно этот факт и стал причиной беды. Экипаж подлодки пользовался неправильной инструкцией по профилактике и подготовке к стрельбе «Китов». Но кто же затеял стрельбы торпедами «не той системы»? Это ведь не охотничье ружье, которое висит на стене и очень редко используется по назначению. Да и так, если что. Учения, Иван, подразумевают, что все их участники находятся в боевой готовности. Опять же, не мне тебе это рассказывать. В боевой! То есть именно той самой, которая должна быть при столкновении с врагом.

А теперь идём ещё дальше. Злосчастные манёвры с самого начала привлекли повышенное внимание некоей известной в вашем, современном, имею в виду, мире организации, которая любит совать свой нос в чужие дела. В районе учений были зафиксированы две американские субмарины – «Мемфис» и «Тоledo», норвежское судно-шпион «Марьята» и пять самолётов-шпионов США. Американцы явно интересовались испытаниями нового вооружения. А вот теперь давай по минутам.

– В смысле? Вы знаете наизусть? – Я устался на бабу-демона, которая сейчас сильно, кстати, напоминала мне учительницу истории, очень, между прочим, строгую тётку, которую в школе побаивались даже рьяные двоечники.

– Иван... – Наталья Никаноровна покачала головой, а потом постучала указательным пальцем себе по лбу. – Тут, информация о том, что произошло за последние десятки тысяч веков. Многое вообще происходило в моем личном присутствии. Итак, в 08:51 командир «Курска» сообщил флагману эскадры, что погружается на перископную глубину и прекратил связь. В 11:28 они были готовы к торпедной атаке. Именно тогда и произошёл взрыв в первом отсеке. В такой ситуации командир корабля, ты не подводник, не знаешь, но я тебе расскажу, должен был продуть главный балласт и заглушить двигатели. В этом случае лодка была бы вытолкнута на поверхность. Но «Курск» вместо этого дал полный ход. Так поступают, пытаясь уйти от торпедной атаки. Тут же последовал второй взрыв, гораздо мощнее первого, который, вероятно, и разворотил носовую часть судна. После этого «Курск» стремительно погрузился, пропав по дну полосу, которую потом отчётливо наблюдали водолазы. Дальше начинается очередной пласт загадок. Российские военные заявили, что поиски подлодки заняли более 30 часов, хотя и район действий был хорошо известен заранее, и сильного волнения на море не было. Однако, и поверь мне, это факт, на месте гибели «Курска» уже в полдень 13 августа были сброшены глубинные бомбы, а ещё утром 12-го в небо подняты две эскадрильи противолодочных самолётов с ядерным оружием на борту. Первое обстоятельство российская сторона объяснила попыткой призвать субмарину к всплытию. Второе – вообще никак.

Вот тут вырисовывается ещё одна версия. О том, что кое-кто из сторонних наблюдателей, проявивших любопытство, тех, кого не приглашали, совершил таран. Не утверждаю, что специально. Все же, не дебилы. Изначально это вышло случайно. Слишком близко подошли и не увидели. Например. И ещё, чтоб ты понимал, некоторые типы американских лодок разработаны с расчётом на то, что даже после такого рода тарана экипаж в состоянии бороться за живучесть судна. Хотя, естественно, разница в габаритах столкнувшихся субмарин огромна. «Курск» получил повреждения, а вот «Тоledo», возьмём именно эту, пришлось буквально отползать с места аварии. В такой ситуации командир второй американской подлодки должен был прикрыть отход товарищей, ведь российские моряки могли посчитать таран умышленным. В подтверждение этого предположения говорит такой факт, что в руках одного из офицеров «Курска» был обнаружен ключ от сейфа с кодами, позволяющими запустить ракеты «Гранит». Тут-то и произошёл первый взрыв. Возможно, американцев напугал звук открываемого торпедного аппарата, может быть, сдали нервы. Они явно имели все основания опасаться выстрела «Шквалом», от которого уклониться невозможно.

И вот если допустить, что с перепугу вторая лодка, ударила уже целенаправленно оружием туда, откуда исходила по из мнению опасность, тогда, да. В торпедном отсеке «Курска» наверняка начался бы сильный пожар. Он-то и мог привести к одновременной детонации боезапаса в том числе торпед «Шквал», обладающих огромной разрушительной мощностью. Носовая часть «Курска» была практически уничтожена, а лодка врезалась в дно. Скорее всего, взрывной волной был повреждён и «Мемфис», если рассматривать именно эту версию.

Российские военные, разумеется, пробовали обнаружить американские субмарины. Это подтверждает тот факт, что 12 августа противолодочные самолёты Северного флота неоднократно проходили вдоль норвежского побережья, а российское командование якобы сообщило, что ищет повреждённую лодку, принадлежащую предположительно США. «Мемфис» вскоре действительно был найден в доке норвежского Бергена. А ушедшая незамеченной «Тоledo» встала на ремонт тотчас после того, как добралась до Америки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.